

18+

Ари Эльгут Домат
Поход. Тропа чертополоха

Книга 1

Ари Домат Поход. Тропа чертополоха. Книга 1

<https://litres.ru/74290754>

ISBN 9785007078870

Аннотация

Перед юным Анатолем открывается грандиозная возможность — поход через тайгу под командованием легендарного генерала. Ведя дневник, он видит себя будущим адъютантом и героем истории, уверенным в своем предназначении. Но его мечты рушатся, когда он понимает, что все, о чем он мечтал, воплощает другой. Эта встреча переворачивает мир Анатоля, и теперь ему предстоит пройти путь, полный отчаяния и надежды, чтобы узнать, чем закончится «поход» к мечте.

Содержание

Глава 1. Предисловие	5
Глава 2. В отряде	107
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Поход. Тропа чертополоха

Книга 1

Ари Эльгут Домат

Дизайнер обложки Шедеврум

© Ари Эльгут Домат, 2026

© Шедеврум, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-7887-0 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-7888-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Предисловие

Похолодало. Солнце в этих местах почти не было, а если оно и выходило из серых облаков, то совершенно не проникало через густой крон деревьев до земли. Поблескивало, где — то там наверху, за густыми ветвями и казалось, одаривала эти места только холодным светом. Поэтому, что днём, что вечером было одинаково зябко.

Отряд из ста семидесяти солдат все дальше продвигался на север через густой лес. Чем дальше мы отходили от родных земель, тем чаще погода преподносила нам не приятные сюрпризы. Порой выпадал снег, который сразу же таял под сапогами солдат смешиваясь с грязью, превращался в месиво, в котором кони утопали. Повозки с продовольствиями застревали на мертво и солдатам в отряде, в том числе и офицерам, приходилось не легко. Мы тратили драгоценное время пробуя все возможные способы, чтобы вытащить телегу из зыбучей грязи.

Решение пойти через лес было выбрано до начала похода при собрании высших чинов и заведующего штаба. По их расчётам маршрут, проходящий через бескрайнюю тайгу, сокращал время похода и был более безопасен для учебной миссии, по сравнению с другими вариантами. И вот мы как месяц уже пробираемся, через чащи, овраги, прорубаем себе путь с помощью ножей и сабель. При спусках с вершин

сухие ветви мёртвых деревьев свисали так низко, что приходилось спешиваться и прикрывать глаза, чтобы сухие сучьи не выкололи их. Последние двое суток, следуя приказу командующего, офицеры шли пешком. Дорога, по которой мы следовали была опасна тем, что сделалась узкой и вела через ущелье.

— Сержант я бы вам советовал спешиться! Здесь с гор часто падают шальные камни. Можно получить удар по голове, а то и вовсе собьют и унесут в пропасть, — услышал я голос за спиной из строя.

Опытные солдаты опасались оползней и падения камней с гор. Ущелье было опасно ещё тем, что здесь во влажной скалистой горе обитали ядовитые змеи, поэтому я до последнего не решался спрыгнуть. Впереди строя под ноги солдатам выползла змея, но как оказалась после она была не ядовита. Все же прислушавшись к совету опытного солдата я слез с коня, с опаской поглядывая на вверх — на обрывистые скалы, возвышающиеся над нами. Вниз я старался не смотреть, на то, как склон шёл круто вниз и затем обрывался.

Погода была безветренной. Деревья, замерев, даже не покачивали листвой. Было не обычно тихо, только клич диких птиц доносился до нас с гор и эхом раздавались по ущелью шаги строя.

Мне приходилось не раз сомневаться в решении высших чинов, особенно когда отряд сталкивался с суровыми погодными условиями, либо препятствиями на пути в виде кру-

тых подъёмов и опасных спусков. Узких ущелий и оврагов. По — моему мнению все эти обстоятельства только затягивали время и отягощали отряд. Солдаты уставали от изнурительных троп, то спускающихся к самому низу, то возвышающиеся. Местами и вовсе не было дороги. Мне с солдатами приходилось расчищать тропу для повозки от упавших деревьев, попадавших на пути. Трава забивала колеса. Кони, поднатужившись вытягивали каталки из глубоких чащ. Комары съедали заживо, если не успел намазаться мазью, отпугивающей их. Я был уверен, что был и другой путь, более лёгкий. Но план похода, как ни странно, был утверждён и подписан нашим генералом. Возглавившим этот поход. И поэтому ни у кого не возникало сомнений в том, что таким путём мы доберёмся до места быстро и безопасно.

Страшно было бы представить, если бы отряд повёл кто — то другой. Тогда бы паники и бунта было бы не избежать. Как я после понял солдаты — это не безропотные, одноликие атрибуты войны. Сбившись в кучу, они имели огромную силу и могли пойти даже против своего предводителя. Они не станут доверять свои жизни безропотно кому попало. Но перед генералом все трепещут и даже слепо доверяют ему.

Я помню, как при отборе в поход среди военных училищ и других кадетских школ, даже первокурсники в очередь устраивались добровольцами в отряд, как только стало известно, что сам генерал возглавит поход. Устраивали драки, чтобы выяснить между собой кто будет включён в отряд, а

кто нет. Доходило до того, что даже мастерски меняли год рождения в студенческих билетах, лишь бы оказаться в рядах избранных и попасть в заветный отряд солдатом. Таким студентам, узнав о их проделках, деканы грозили отчислением.

Постепенно отбор ужесточали. Среди студентов военного училища не все проходили. Но их считали везунчиками, за счёт подготовки им разрешено было с восемнадцатилетнего возраста участвовать в отборе и у них было больше шансов попасть в легендарный поход под предводительством самого известного генерала нашего времени, который в своё время сделался героем для всей страны. На которого хотел быть похож любой мальчишка.

К военному делу я не имел никакого отношения. Я учился не далеко от военного училища в университете многопрофильного уровня. Попасть в военное училище было для меня мечтой детства. Иногда, когда мне не хотелось возвращаться после учёбы в комнату общежития, я сворачивал на соседнюю улицу, и проходя мимо здания для подготовки будущих солдат, с некой тоской поглядывал в их сторону. Веря, что рано или поздно окажусь в их числе. В числе счастливых, которым открыты все пути к завоеванию славы на военном поприще. С самого детства я грел в своей душе мечту стать великим генералом. Будто некая сила внутри меня подталкивала и внушала мне грандиозное военное будущее. Я грезил о битвах и завоеваниях. За последние десять лет,

войны не прекращались во всем мире, то стихали на время, а затем вновь разгорались в какой — либо части земли. Я вырос на заголовках газет об очередном столкновении государств. На прославлении новых героев, отличившихся в битвах и стратегиях. Одни имена полководцев затихали и уходили в небытие за довольно короткое время и тут же на смену им вспыхивали новые герои. Только имя этого генерала не покидало слух уже несколько лет.

Войны не прекращались и по сей день. Наш город жил в отдалении, в тишине и спокойствии, погруженный в житейские заботы. К нашим границам война близко не приближалась довольно уже долгое время, благодаря таким полководцам как генерал. И меня печалило лишь то, что я не был там. Родись я десятью годами позже, я бы в это время отважно бился, где — то на границе и уверен, что был бы одним из лучших адъютантов великого генерала.

Я остановился возле ворот военного училища и пока улица была пуста, заглянул за ограду, наблюдая как тренируются курсанты. Как в не зашторенных окнах проходит построение будущих солдат и офицеров в заветной синей форме и зелёных беретах. Понаблюдав так несколько минут за их жизнью, завидев прохожего по улице, я, стесняясь торопливо уходил. Возвращаясь в общежитие, я с большим сожалением рассуждал над тем, почему мать меня изначально не отдала в военное училище. Этому делу я бы отдал всю свою жизнь. Перевестись не было никакой возможности. Да и мой

руководитель Павел Игоревич не отдал бы меня.

В военное училище принимали самых крепких и выносливых, либо способных к военному делу. Я не считал себя слабым или не способным. Был немного хоть и худ, но все признавали во мне умного, а то и талантливого в обучении парня. Я был одним из первых учеников в университете участвующим в различных олимпиадах. Занявшим призовые места и отстаивающий уже второй год высокий рейтинг университета. В конце прошлого года мою фотографию повесили на доску почёта среди остальных шести лучших учеников и гениев за всю историю работы этого университета. Я на протяжении двух лет удерживал призовые места в городских олимпиадах за что и был награждён к тому же золотой статуэткой в виде грамоты. Но проходя мимо военного училища сердце моё было не на месте. Я всей душой рвался туда. Я чувствовал своё предназначение в военном деле. Я верил в свою счастливую звезду, что однажды я увижусь с генералом, попаду под его командование и он поставит меня на должность своего адъютанта. А затем через много лет пройденных испытаний бок о бок, он передаст мне заслуженно звание великого генерала. Я покорю его своим умом и трудолюбием. Кто как не я должен занять это место. Разве подходящей более чем я, найдётся ли человек на всем белом свете? Разве может кто — то быть подле него и служить так отважно и предано как я? Я был горд тем, что самостоятельно начал изучать военное дело, строевые подготовки. Этим

я собирался впечатлять генерала, когда окончу университет экстерном и поступлю в военную академию. Такой у меня был план.

В нашем же университете я получал общее образование. Физическая подготовка была не значительной, больший упор делался на изучение прикладных знаний и с таким обучением великим генералом, окончив университет, мне никак не стать. Тот, на кого я ровнялся, о ком грезил, на кого хотел походить, был великим человеком. Впервые о генерале я узнал из газет, когда мне было двенадцать лет. И с тех пор меня преследовала лишь одна идея добиться его высот. На его счету ни одной проигранной битвы.

Слух о сборах в поход до нас дошёл не сразу. В начале оповестили военные училища и лишь потом дошло до нас. Преподаватели нашего университета никак не распространяли информацию. Не разделяли взглядов военных политиков и в общем то были против проводимых сборов в многопрофильных университетах. При вопросах пожимали плечами и ничего не разъясняли студентам. Никто не знал кто поведёт отряд. Место назначения отряда. Цель похода. Сроки. Студенты между собой распространяли панику о том, что война подбирается к нашим границам и большинство старшекурсников из — за таких слухов открещивались от сборов. Но как только прогремела новость, что отряд возглавит генерал, даже мальчишки, поступившие только — только на первый курс, жалобно просили принять их анкеты для записи.

В многопрофильных университетах, до совершеннолетия, студенту отказывали в таких походах. Не имея специальной подготовки не всех брали и со старшего курса. До отбора доходили самые крепкие ребята. Подай я заявку от своего университета я бы не прошёл по возрасту. Мне двумя месяцами ранее только исполнилось семнадцать лет. Но отказаться вот так просто от возможности оказаться в одном отряде со своим героем, я и мысли не допускал. Я чувствовал всей душой что этот поход станет для меня счастливым поворотным моментом в моей жизни. После этого похода все должно измениться.

Я, не раздумывая подкараулил знакомого парня из военного училища Вальтера и подговорил его, чтобы тот подсунил мою анкету к остальным добровольцам. Он без лишних разговоров сделал это. Услуга за услугу. Однажды и я помог ему во время соревнований по математике, где мы и познакомились. Другого способа я не видел. Не знаю как, возможно из — за ажиотажа и большого количества подаваемых анкет, меня не проверили и допустили до отбора.

Испытания проходили в один этап. Добровольца выпускали на поле с препятствиями и оценивали физическую подготовку, выносливость и учитывали время прохождения. Я через день подходил к воротам военного училища ожидая новостей. Иногда я, так и не дождавшись Вальтера уходил ни с чем. Я засыпал и просыпался с мыслями о походе. Поход стал моей целью. Иногда Вальтер мне показывал знак

— крест руками, это означало что ещё ничего неизвестно. Спустя два дня я, придя снова к воротам, как верный пёс, с нетерпением ожидал его. Он в этот день был дежурным и ему не составило труда отлучиться и сообщить мне, что списки отборочных дней им вывесили и что среди фамилий есть и моё имя. Я был записан на прохождение нормативов отбора на четырнадцатого марта, на самое утро. Я был не в себе от радости. По сути, у меня была неделя на подготовку. Оставалось лишь сообщить своему руководителю и декану кафедры Павлу Игоревичу что то, что оправдывает моё отсутствие на лекциях.

Ему то, позже я и буду благодарен. Я оставил надпись с благодарностью ему, здесь, на обычном листе тетради. Мне не удалось по благодарить его лично, так как события для меня закрутились так стремительно, что трезво осознавать происходящее я начал только спустя время. Только сейчас понимаю как много он для меня сделал. Пожалуй, как все было и чем мне помог этот человек я поделюсь. Может кто —нибудь и когда ни будь это прочитает, тем более мы сделали остановку у болота и мне не чем заняться, кроме как отгонять от себя комаров.

Итак, мне пришлось не мало помотать ему и себе нерв. Отборы в отряд проходили за два месяца до начала похода среди военных училищ нашего города. Давали шанс и студентам многопрофильных и специализированных университетов. Основными требованиями были хорошая подготовка

и возраст от восемнадцати лет. Каждый желающий, подходящий под требования, мог записаться и как говорится, проверить себя на прочность. В начале, когда объявили о наборе, желающих было не так много. Кто точно знал, что посвятит свою дальнейшую жизнь военной карьере, первыми записались в отряд. С нашего университета это был один старшеклассник, который по окончании собирался поступать в военную академию. Ему можно сказать повезло. Такая удача не с каждым случается. До его выпуска оставалось полгода. Такие походы проходили не часто и поэтому услышать новость о начале нового набора было заветной мечтой. Те, кто решился, могли поучаствовать в походе вместе с опытными бойцами. Получить требуемые по окончании похода рекомендации от генерала отряда на поступление в военное учебное заведение без дополнительных экзаменов.

— Делай упор на бег. Быстро пробежишь выиграешь время, а это дополнительные баллы, — сказал мне Вальтер, после того как сообщил мне о дате отбора.

— Спасибо. Удивительно что меня не вычислили.

— Там сейчас бардак, никто никого не проверяет. Максимум смотрят на год рождения и оценивают физически.

По возвращению с университета вечерами я бегал вокруг общежития, отжимался на заднем дворе, на заброшенной площадке. Неделя был маленький срок чтоб привести себя в физическую форму, но я верил, что судьба ко мне благосклонна. Не зря я чудом попал в списки среди остальных

курсантов. Уже я видел в этом знак судьбы.

Перед отборочным днём я с трудом уснул. На утро был хоть и бледен, но бодр. Руководителю я сообщил о температуре и не важном самочувствии. Он меня отпустил на день без больничного заключения. Сам же я направился на полигон. Он находился в нескольких километрах от города. Погода была мрачная. Небо заволокло свинцовыми тучами. В полях еще не везде растаял снег. Туда я добрался на старом полуразваленном автобусе и от остановки шёл ещё пешком минут тридцать через поле, думая о том, чтобы дождь не испортил все и наш отбор не перенесли на другой день. Иначе перед руководителем я не объяснюсь. По пути я переживал, ломал себе руки от волнения, но, когда оказался перед чертой старта, а впереди виднелись препятствия, я вмиг собрался и словно на одном дыхании пробежал и преодолел препятствия.

Неделю я был спокоен и уверен в том, что я буду выбран солдатом в отряд. Я ходил с гордо поднятой головой. Узнай студенты, что я не только лучший ученик университета, но и смог пробиться в отряд, думаю ненависть некоторых ко мне не знала бы границ. Но оглашение списков затягивалось. Переваливала вторая неделя, а результатов все не было. Последний отбор был в середине месяца. Я маялся, ожидая решения. Мне не терпелось. Места себе не находил и с каждым днём червь сомнений грыз меня все больше и больше. К тому же я боялся, что меня могут пробить по базе курсантов

военного училища и не найти там.

В нашем же университете за последний месяц только и были разговоры о походе. Со старших курсов студентов пять участвовали так же в отборах. Некоторые из них важничали и вели себя самонадеянно. Меня это жутко злило.

Спустя три недели, когда отряд был окончательно собран и утверждён, списки фамилий вывесили на доску объявления на первом этаже главного учебного корпуса. В это время около шести вечера у нас закончилась последняя вечерняя лекция. И как только прозвенел звонок, преподаватель напомнил нам про доклады и только потом сообщил, что список выбранных студентов в отряд вывешен и мы можем с ним, ознакомится на входе в учебное заведение. Все парни в классе, позабыв обо всем, ринулись на первый этаж сметая столы и стулья на своём пути. Даже те, кто не участвовал в отборах с безумным любопытством прорывались к доске. Помню, как и я, выскочив из университета, с полу расстёгнутым портфелем бежал через поле, сокращая путь, к военному училищу. Именно там моё имя должно быть написано и вывешено с остальными именами.

Я вбежал на территорию училища и забежал в парадную. Курсанты толпились у доски. Стоял не вероятный галдеж. Я подбежал, уверенно распахивая всех локтями, пробрался кое как к доске и в спешке пока толпа меня не вытеснила стал искать свою фамилию среди «избранных». Я проходил отборочный круг и, как мне казалось, отлично справился со

всеми нагрузками. Почти ни одного промаха. Единственное канат был для меня сложно проходимым. На нем я потерял время. Я бегал взглядом по фамилиями перебирая одну за другой, но дойдя до конца списка, себя я не нашел. Я не поверил и решил, что скорее всего в давке и шуме пропустил её. Я снова и снова сканировал все фамилии одну за одной. Я надеялся, что пропустил её. Но в очередной раз прочитав чётко список, я понял, что не ошибся и что меня там нет. Я стоял бы возле списка бесконечно, пытаюсь найти себя, но курсанты, которые только подбежали, вытеснили меня из толпы, обратно к выходу. Странно на меня озираясь, так как я был единственным среди них в форме студента. Я стоял в стороне, облокотившись на стену ошарашено пялился в одну точку. Смене одной толпе подбегала другая. И та же картина. Парни с криком подпрыгивали, а другие его ловили, подбрасывали в воздух и всячески хвалили.

— Анатолий, тебе уже сказали, когда начинается первый день подготовки?

Я обернулся из — под лба уставившись на Вальтера. Он приближался ко мне широко и самодовольно улыбаясь, пытаюсь протиснуться через толпу.

— Это кто вообще? — спросил другой его сослуживец.

Несколько ребят обернулись на меня с любопытством осматривая. Я был младше их. Я сорвался с места и со всех ног кинулся из парадной на улицу.

— Ты куда? — прокричал он мне вслед, — стой!

Я сидел в своей комнате на кровати забившись в угол. За окном начинало темнеть. Закат давно уже погас, а меня не покидало негодование и злость. Я не верил в исход. Этого не могло произойти. Ведь я считал, что у меня все получится. Я грезил и уже видел себя будто наяву в солдатской форме и в строю. Не уж то меня не оценили по достоинству. Не заметили, что я избранный. Что моя жизнь с генералом тесно переплетена. Сколько подвигов нам ещё предстоит совершить. Сколько вражеских территорий покорить. Как они этого не смогли заметить во мне? Мне хотелось разобраться с теми, кто проводил отбор и получить внятное объяснение по какой причине я не подошёл. Я выполнил все указания и все упражнения данные на соревнованиях, как я считал правильно и быстро. Но меня не зачислили. Мне хотелось требовать объяснений того, кто отбирал курсантов. Мне хотелось знать, в чем я провалился. Так как в том, что я пройду отбор я был уверен. Не зря ведь мне удалось попасть на испытания. Но сейчас моему самолюбию была сделана отрезвляющая пощёчина и мне хотелось крушить все что попадалось под руку. Я шлёпнул ладонью по стакану с ручками, стоящему на столе у края и тот упал на пол, а ручки с треском рассыпались по столу. Я не мог смириться с действительностью. У меня всегда получалось достигать желаемого.

Я перебирал в голове идеи, какие — то уловки. Каким способом возможно было бы попасть в отряд. Я готов был пойти на любую хитрость, ведь такой возможности, быть под

командованием генерала, уже не будет никогда. Неужели кому — то повезёт больше. Кто — то займёт моё место возле него. Неужели все это время я боролся и выхватывал лишь мелкие звезды с неба в виде побед на олимпиадах. А кому — то судьба предоставит возможность перевернуть мир. И если это буду не я — я умру. Я столько лет пытался доказать себе самому и другим своими достижениями и победами, что я могу быть человеком, который повлияет на ход истории. Я столько лет упорно боролся и трудился и в самый решающий момент в моей жизни я оказался не удел. Неужели эта возможность, которую я ждал так долго, пройдёт мимо меня. Но кто если не я достоин быть первым и главным претендентом на роль нового героя. Я чувствовал, что только я способен вершить судьбу рука об руку вместе с генералом. Так почему тогда другим выпала такая возможность? А я остался в стороне.

Я больше ни на секунду не задумываясь и ничуть не стыдясь, решил воспользоваться связями Павла Игоревича. Я наскоро застегнул рубашку, заправил её в штаны и выскочил из общежития в соседней квартал, к дому, где живёт мой руководитель. Надеюсь на то, что время ещё не упущено и есть ещё возможность повлиять на исход своей судьбы. Кто — то из студентов, гуляющих у фонтана заметив меня, что — то крикнули мне вдогонку как мне показалось в насмехающемся тоне. Это только разожгло во мне упорство добиться справедливости. Им так просто не удастся занять мое ме-

сто. Я как ураган влетел в подъезд. Дежурный у входа, успел только привстать, открыв рот от неожиданного моего появления. Я, забегаая на лестничную площадку через холл крикнул ему, что к руководителю и он удивлено кивнул мне и сел обратно на своё место.

Перескакивая через ступеньки, я бежал так быстро наверно, как никогда в жизни. Даже когда торопился на занятия. За пару минут я добрался с первого этажа до третьего. Открыл дверь, выскочил в коридор, споткнулся и рухнул на колени на потёртый красный ковёр прямо по середине коридора. Сердцебиение отдавало в перепонки ушей, в кончиках пальцев, в висках. Я не мог отдышаться. Я уперся руками в бедра, поднялся. Тишина. Я огляделся. Коридор освещал приглушённый свет, почти до полумрака. Здесь я бывал ни раз. Приходилось временами помогать руководителю доносить стопы рефератов, книг, дипломов до его комнаты, когда их набиралось слишком много.

Я прошёл в глубь коридора мимо одинаковых дверей с разными номерными табличками и спустя несколько шагов, остановился. Я с минуты наверно спорил с самим собой. Прежде я был уверен намеренно добиваться своей цели, а сейчас стоя перед дверью руководителя обмяк и затушевался. Я уже не чувствовал себя борцом против всего мира за справедливость. И мой поступок для меня самого сейчас казался гадким. Отношения руководителя ко мне всегда было искренним и добрым. И использовать его ради своих целей я

не имел права. Вернуться в комнату ни с чем, даже не поговорив с Павлом Игоревичем, я тоже не мог. Мне нужно было его видеть.

Я собрался с духом, рука неуверенно повисла в воздухе. Я прислушался. За дверью было тихо. Ни шороха. Я набрался смелости и постучался. Стук глухим эхом побежал по коридору. Я затушевался, ожидая что соседи могут выйти на шум. Прошло с полминуты, но тишины никто не нарушил. Я, снова собравшись с мыслями, не желая отступать от своей цели, осторожно постучался и прислушался. Снова повисла тишина. Я прижался ухом к двери. Он не мог уйти, вечером он обычно бывает у себя в комнате. Постучать громче? Но тогда остальные точно выйдут на шум и как я смогу им объяснить зачем мне в такое время понадобился преподаватель. Вызовут дежурных, отправят меня в общежитие и скажут завтра решать свои вопросы.

Я взялся за ручку и в надежде, что может так Павел Игоревич услышит, несколько раз дёрнул её. Вдруг за дверью слышались шаги и через несколько секунд зашуршал дверной замок. Я отскочил. Дверь слегка приоткрылась и из дверной щели показался с еле заметной проседью в волосах мужчина, на вид лет пятидесяти. Я, обрадовавшись бросился к нему со словами о помощи, уж, что я говорил точно не помню, но вид у меня наверно был жалкий. Павел Игоревич, узнав меня распахнул дверь и взволнованный вышел ко мне на встречу. И только тогда я увидел, что лицо его бы-

ло заспанное и встревоженное. Время показывало без десяти одиннадцать ночи и в это время он обычно уже спит, так как рано встаёт на лекции. Я извинился перед ним, чувствуя вину. Но отступить было поздно, кроме него мне и поделиться было не с кем. Я с большим раскаяньем начал с того, что на самом деле не лежал с температурой в общежитии, а в тот день направился на полигон. Я очень хотел попасть в отряд. Что проходил отборочный тур, что преодолел все препятствия, но в утверждённом списке себя не нашёл. Снова обида стала терзать мою душу. Слезы подступили и стали скатываться, обжигая мои щеки. Я не стал сдерживать их, чувствуя, что Павел Игоревич должен понять меня. Я говорил, но так без связно, что иногда и сам себя не понимал, но Павел Игоревич, по — моему, понял в чем дело, лицо его стало принимать более спокойное выражение и он, глядя меня по плечу стал успокаивать, говоря, что не велика потеря. Я упирался как баран и сквозь слезы повторял, что хочу в отряд. Что не будет такой больше возможности. Что из курсантов было выбрано достаточно парней. Но они ничем не были лучше меня.

— Я видел их. Это обычные парни. Почему их выбрали. А меня нет? — негодовал я, утирая слезы обиды.

— А что ты делал в военном училище? — удивился Павел Игоревич, — как твои документы оказались у них?

Я смахнул слезу.

— Я попросил знакомого чтобы тот подал мою анкету от

лица курсанта. Я знаю это неправильно, но я должен попасть в этот отряд, Павел Игоревич.

Я жаловался как мальчишка, которому родители не дают деньги на мороженое, я подбирал слова как можно точнее, чтобы выразить то, что я достойнее всех остальных, чтобы участвовать в этом походе.

— Может это к лучшему в том, что тебя не взяли, — спокойным голосом уговаривал меня руководитель, — ну представь если бы вскрылось, что ты не курсант. Узнают, что твой знакомый участвовал в этом обмане и его накажут. Им за такие дела грозит отчисление. Успокойся. Не велика беда. Уйдут и придут обратно. Впереди ещё много соревнований. Нам есть чем с тобой заняться здесь.

Я рухнул на стул, стоящий в пролёте.

— Нет, нет, Павел Игоревич. Это было моей самой важной целью. Это было шансом всей моей жизни. Вы не знаете, я ведь давно хочу стать военным. С самого детства грежу об этом. И тут такой шанс! Это судьба! Ведь меня даже пропустили на отборочные, хоть моего возраста не берут. Я смог пробраться. И кто — то специально мне помешал, — рука Павла Игоревича замерла, перестав гладить мои волосы, — я так хотел попасть в этот отряд. Я так хотел увидеть генерала в живую. Я даже и не мечтал, что такая возможность так скоро подвернётся. Я сначала решил, что вообще такое только во сне может привидеться. А тут наяву и я оказываюсь не удел. Я может больше остальных хотел попасть в этот

поход. Я давно уже планировал закончить университет раньше программы и поступить в военное сразу на офицера, — я, выговорившись вытер слезы, скатывающиеся по щекам. Павел Игоревич убрал руку с моих волос, — помогите мне. Ведь Вы можете что — то сделать. Поговорить с теми, кто проводил отбор. Почему они меня не взяли? — взревел я, — чем я хуже?

— Ничем не хуже, но послушай...

— Вы же можете повлиять, — не унимался я, — я не знаю кто проводил отбор, но это явно люди из нашего министерства. Они ведь Вас знают и уважают. Они хотя бы выслушают Вас. Напишите им письмо, — умолял я, — если нет, то нет. Я хоть буду знать, в чем я не дотянул. Я знаю это не красиво будет, но вы не понимаете, я должен быть там.

— Такие решения не в министерстве принимают. Послушать, то послушают, — руководитель снова похлопал меня по плечу. Его руки были горячими и шершавыми, — Анатоль зачем тебе этот поход. У тебя ни подготовки нет, ни навыков. Это не шутки. Там очень тяжело не приспособленному человеку. Так ты ещё и молод. Откуда это в тебе взялось?

— Павел Игоревич, я читал книги все это время по военной тематике. Я изучал стратегии. Я знаю почти все.

— Книги это одно, а на практике другое.

— Нет. Я все знаю. Я готов ко всему. Я все смогу преодолеть. Вы не представляете на сколько я силен и вынослив. Главное ведь желание и целеустремлённость. Вы же знаете,

если мне что — то нужно я дойду до своей цели. Только помогите мне.

— Послушай меня, пожалуйста. Закончишь университет, повзрослеешь, а там уже будешь выбирать, что действительно важно. К чему такая спешка. Это не первый и не последний поход. Возможно, ты узнаешь, что военная карьера — это не совсем то, чем выглядит. Кроме славы, медалей и почёта есть масса того, чем придётся жертвовать и в первую очередь своей жизнью. Ты парень умный, должен же понимать. Не все становятся великими генералами и выдающимися полководцами. На это нужны титанические, не человеческие усилия. А большинство гибнут при первом же бое.

— Но ведь генерал выбрал этот путь и не жалеет о сделанном выборе. Я такой же, как и он. Я тоже готов жертвовать всем, чем угодно.

— Снова этот генерал. Упрямцы! — разозлился Павел Игоревич.

— Если не поможете, я все равно проберусь в отряд. Я найду способ. Пусть не законно, но я все равно должен быть в отряде. Такого похода под командованием генерала больше не будет.

— Генерал ..., генерал этот ..., черт его подери, — руководитель хотел, что — то ещё добавить, но замолчал. На его лице изобразилась злость с негодованием. Я понимал Павла Игоревича, что он не хотел отпускать меня. Хотел, чтобы я остался и продолжил учёбу. В какой — то степени я был с

ним согласен и возможно так бы и сделал, если бы не этот поход.

Я сидел и хлюпал носом вытирая сопли рукавом рубахи, а Павел Игоревич стоял возле меня не подвижно серьёзно нахмутив брови.

— Если откажите мне, я сбегу вместе с отрядом, — решил я нарушить затянувшееся молчание, — думаю на полпути меня не выкинут.

Павел Игоревич вздрогнул. Он не спеша поднял руку и опустил мне на голову. Мне она показалась очень тяжёлой.

— И что мне делать прикажешь? — проговорил он еле слышно, — раз все так выходит...

Я взглянул на него из — под его руки. Со мной ли он говорил?

— Что ж., — неуверенно произнёс он, — можем попробовать решить этот вопрос. Я пойду переоденусь, а ты ..., — Павел Игоревич взглянул на меня, — пока приведи себя в порядок.

Я был удивлён и необычайно счастлив. Я уже и не надеялся, что руководитель пойдёт мне на встречу. Я вытер слезы рукавом и поправил свою рубаху. Я не думал и не рассуждал, что же решил предпринять руководитель, но у меня не было сомнений в том, что это мне поможет попасть в отряд. Я даже был уверен в этом. Павел Игоревич один из уважаемых людей нашего учебного заведения. Благодаря своей должности он в приятельских отношениях со многими

важными и высокопоставленными людьми. Министр культуры нашего города всячески поддерживает Павла Игоревича и благоволит ему словно близкому другу и доверяет ему вопросы программ обучения. Павел Игоревич не раз меня брал на собрания с высшими руководителями в том числе и заведующим, в качестве ведущего заметки. И из раза в раз я наблюдал как уважительно и почтительно к нему относятся. Ни одно решение не принималось, не послушав его точку зрения. Если Павел Игоревич отказывался от новых реформ в программе обучения, то действительно вводить реформы не имело смысла. Поэтому и надежда во мне засияла ярче любого солнца. У меня не было сомнений в том, что Павел Игоревич добьётся справедливости и выгадает для меня место в отряде. Я уже представил, как стою в строю в солдатской униформе и мандраж пробегал по телу от радостного исхода.

Я дождался руководителя. Павел Игоревич вышел. На нем был его темно — синий костюм, в котором он обычно ведёт лекции и лакированные туфли, в общем он выглядел с иголочки, как на лекции. Даже лицо его поменялось. Оно стало строже и будто моложе. И в Павле Игоревиче было сложно узнать того взрослого худощавого мужчину, который открыл мне дверь. Он повернул ключ в двери и направился в сторону лестницы. Я, подтянувшись и выпрямившись, только осталось отдать честь, пошёл за ним.

Когда мы шли по тёмной улице, еле освещаемой улич-

ными тусклыми фонарями, я почему — то шёпотом, наконец решился спросить куда руководитель направился в столь позднее время. Павел Игоревич не спешил с ответом, он помолчал, где — то минуту, похоже не совсем ещё будучи уверенным в своём решении, а потом ответил:

— К генералу твоему пойдем на прямую. Невеже всех подряд набирать, а хорошие головы не замечать.

Я решил, что руководитель шутит. Хочет припугнуть меня. В такое время к генералу. Кто же нас пустит. К нему и в дневное время то не попасть нам обычным людям. Но мы шли по дороге ведущей прямо к главным воротам штаба. Я не на шутку обомлел, как только понял, что руководитель был настроен серьёзно. Я лишь на миг представил, что прямо сейчас, в живую могу встретиться с генералом лицом к лицу, как не преодолимый страх сковал моё тело. Ладони вспотели. Что он скажет обо мне? Да и как я выгляжу. Помятая рубашка, неумытое, распухшее от слез лицо. Все же я ждал, что Павел Игоревич сейчас повернёт в сторону университета, напишет письмо и отправит меня в общежитие дожидаться ответа. А встречу с генералом выдумал специально чтобы напугать меня. И такому исходу я был бы рад. Появиться впервые в таком виде перед генералом я не желал. Первую встречу с ним я представлял по — другому.

Идти до главного штаба оставалось совсем чуть — чуть. Он находился за учебным корпусом, через тренировочную площадку и футбольное поле. Улицу, ведущую в сторону на-

шего университета, мы прошли мимо. Теперь я был уверен, что руководитель не шутил. Я уже различал впереди подсвечиваемый забор главного штаба. В нескольких окнах на первом и третьем этажах, горел свет. В каком — то из этих окон наверно находился генерал. Лишь представив это у меня спирало дыхание и в теле появлялась неприятная дрожь. От мысли, что сейчас с минуты на минуты я могу столкнуться лицом к лицу со своим героем, вводило меня в ступор и я ощущал себя маленьким человеком, глупым, обычным мальчишкой. В помятой рубашке, с мокрыми от слез и соплей манжетами на рукавах и не причесанными волосами. Я поспешил пальцами уложить их.

Хоть Павел Игоревич и являлся уважаемым человеком, но не уж то ему разрешат в такое позднее время, назначить встречу с генералом. Мне не верилось в это. Скорее всего на нас посмотрят косо и попросят прийти в другой день. А если мы сразу встретимся с ним у входа, и он даже не пожелает выслушать нас? Скажет, что поздно уже и уйдёт. Сочтёт меня наглым и бестактным.

— Вот и пришли, — Павел Игоревич не спешил заходить на территорию штаба. Он остановился возле ворот схватившись и слегка приоткрыв железную дверь. Он томным, тяжёлым взглядом смотрел на меня, — зачем тебе это сейчас нужно? Подумай хорошо. Провести несколько месяцев в грязи и сырости. В палатке под дождём. Питаться одними консервами и сухарями. У нас с тобой же были другие пла-

ны, Анатолий. Ты один из самых перспективных студентов во всем университете. Ты добивался этого ни один год. Сколько наград мы с тобой забрали на соревнованиях. Ну откуда у тебя вдруг появилось это желание вступить в отряд?

— Я давно решил стать военным ..., — пробубнил я,ковыряясь пальцем в замке.

— Ну зачем это тебе? — негодовал руководитель, — твоя мать знает об этом?

Я ошарашено стоял перед руководителем все же надеясь, что сегодняшняя встреча не состоится и я не столкнусь с генералом в штабе. Я не был готов. Я чувствовал себя не уверенно. В другой день я бы подготовился и привёл себя в порядок. И предстал перед ним во всем блеске. Я молчал не зная, как сказать это все руководителю, ведь мы уже стояли у ворот штаба. Но руководитель принял моё молчание за знак протеста.

— Ну, пойдем. Будем надеяться, что генерал ещё работает, а не в своих покоях, — вздохнул он тяжело.

Мы прошли через огромную с выкованными узорами ограду и подошли к двери, ведущей в штаб. Павел Игоревич открыл её. Несмотря на свой внушительный вид она отвари-лась легко. Протяжный скрип от тяжёлых железных створок разнёсся по территории.

Мы тут же оказались в просторном хорошо освещённом холле. Я съёжился на пороге, боясь сдвинуться с места и пройти дальше за Павлом Игоревичем в середину холла, где

стоял пост дежурного. Прижавшись к стене, я остался у двери. По телу пробежали дрожь и мурашки, от того, что в воздухе витало незримое величие. Сам воздух и атмосфера здесь отличались. Я чувствовал его присутствие. Вся обстановка штаба говорила о том, что сюда разрешено заходить только героям и богам. Я стоял у входа еле дыша от волнения, осматривал пол, выложенный бежевым мрамором. В центре холла у стойки дежурного, красовался на полу круг с символикой. Вдоль стен из фресок вырисовывались картины, перетекающие из одной в другую. Могучий и сильный мужчина, похожий на Бога запрокинул копьё на льва, свирепо раскрывший пасть. Следом, большие кошки, прилежно сидящие у трона величественной женщины. Я приподнял глаза и задрав голову и восторженно открыв рот уставился на потолок в виде купола и в самой середине правдоподобно было нарисовано огромное войско позади, а впереди седой полководец с копьём на коне и развивающимися длинными волосами, переплетёнными от ветра с чёрной гривой своего коня. Я вжался в стену боясь своим присутствием что — то здесь нарушить.

Пока я заворожённо и боязно разглядывал холл, Павел Игоревич прошёл к дежурному, сидящему за столом. Тот сразу узнал его и поклонившись поздоровался с ним. Павел Игоревич поздоровался в ответ:

— Генерал ещё в своём кабинете или уже закончил?

— Ни как нет. Ещё работает, — ответил дежурный, — по

какому вопросу? Могу ли я передать завтра о вашем визите? Генерал очень занят сейчас, уже вторую ночь остаётся допоздна.

Услышав разговор, я отвлёкся и наострил все своё внимание на них.

— Мы по особому вопросу, очень хотелось бы лично поговорить с генералом сегодня.

— Минуту сейчас сообщу о вашем прибытии.

Я дивился тому, что действительно для Павла Игоревича оказалось нет ничего невозможного. Но из — за занятости генерала, думаю тут даже его просьбы будут бессильны. Генерал нас точно не примет. Убедив себя в этом, я успокоился и был не прочь вернуться обратно в общежитие. Я невольно зевнул, наблюдая со стороны как дежурный в синей форме, с красной полоской на рукаве набрал номер на городском телефоне и спустя пару секунд произнёс:

— К Вам пришли по личному вопросу... Палий Павел Игоревич и ..., — дежурный запнулся и посмотрел то на меня, стоящего у входа, то на моего руководителя. Павел Игоревич дал понять, что я с ним и дежурный снова прислонил телефон к уху..., — и с ним молодой человек. Да ..., да..., так точно...

Я хотел было подойти и дёрнуть Павла Игоревича за рукав и попросить его не настаивать на встрече. Прийти в другой день, в другой раз. Но по интонации дежурного я вдруг понял, что встреча может состояться, что привело меня в боль-

шое недоумение. Ведь на том конце провода это же сам генерал был? И он уже знает, что я здесь? И как это так дежурный мог так спокойно разговаривать с великим генералом. Ведь это действительно на том конце провода он отвечал? Просто не вообразимо. Дежурный держал выправку, ни один нерв на его лице не дрогнул при разговоре с самим генералом. Меня это впечатлило. Мне стало стыдно за то, что я взрослый парень боялся встречи с генералом как мальчишка. Я захотел стать таким же как этот дежурный. Что мне требовалось сделать чтобы иметь такую выдержку как у него? Прослужить несколько лет? Я был готов на все, чтобы так же чётко и холодно вести разговор. Дежурный все кивал в телефон и потом положил трубку. Я замер, будто ожидая приговора.

— Генерал вас ждёт. Позвольте вас проводить.

Павел Игоревич махнул мне. Я спустился по ступенькам и встал за спину руководителя. Мои колени задрожали, руки вспотели, дышать становилось труднее. Я стеклянными, испуганными глазами выглядывал из — за спины Павла Игоревича. Живописные изображения на стенах, на полу, на потолке все слилось в одно. Дежурный взял стопку бумаг из — под стола и позвонил кому — то по этому же телефону. Подошёл другой парень в форме, и наш дежурный сказал ему занять пост пока его не будет. Тот кивнул.

Мы вышли в центр холла, я плёлся позади всех. Меня начало жутко лихорадить. Я трясущимися пальцами застегнул верхнюю пуговицу рубашки, ещё раз заправился и натянул

рукава пытаюсь спрятать в них дрожащие пальцы. Мне было стыдно от мысли что Павел Игоревич, либо дежурный увидят мой страх. Что они подумают обо мне? Что подумает обо мне генерал, увидев, как сильно я нервничаю? А если он уже знает, что я не прошёл отборочный тур и решил воспользоваться хорошим отношением руководителя. Если он решит, что я наглый? А может он решит, что я слишком глупый и откажет мне? Такого позора я не переживу и не смогу потом смотреть ни ему в глаза, ни руководителю. Тут голос Павла Игоревича перебил мои утопические мысли.

— Смотри здесь во время моей молодости был главный холл для приёма. Устраивали баллы, встречали послов, — с ностальгией проговорил руководитель.

Я, пытаюсь скрыть своё состояние перед встречей генерала, старался вести себя как прежде. Я обратил внимание куда показывал руководитель. Чуть дальше по холлу слева красовались большие белые двери с золотыми вставками. Они были распахнуты обнажая большой круглый не освещённый зал. В конце этого зала друг от друга поднимались две винтовые лестницы. Одна ведущая в право, другая влево. На втором этаже они соединялись в коридор над залом.

— Сейчас не устраивают? — решил я задать вопрос как ни в чем не бывало. Но мой голос разнёсся эхом по пустому холлу. Я вздрогнул.

— Нет, сейчас нет, — махнул головой Павел Игоревич. Дежурный обернулся.

— Извините что встречаю. Потому что раньше эта была усадьба одного влиятельного и значимого человека. Когда хозяин умер он завещал её государству в пользование. Детей у него не было.

— Правильно, — потеряв подбородок кивнул головой Павел Игоревич.

А я с завистью взглянул ему в спину.

Мы дошли до конца холла, мимо зала и поднялись по ступенькам, которые я не сразу заметил. Потом мы повернули на право и попали уже на другую лестницу, которая ввела вверх на следующие этажи. Я заметил, как эта часть отличалась от холла. Стены не были разукрашены всякими мифическими рисунками, просто окрашены в один тон. Мне эта лестница показалась каким — то тайным ходом. Возможно, она была придумана для того, чтобы во время нападения через неё могли спастись важные люди. Может быть и потому, что из холла её трудно было заметить и незнающий подумает, что лестницы здесь нет.

Дежурный шёл, уверенно преодолевая одну ступеньку за другой. Было видно, что это он делал по несколько раз в день. Павел Игоревич шёл за ним, стараясь не отстать, но с каждым пролётом ему все тяжелее это давалось. Он начинал дышать тяжело и глубоко. Дежурный останавливался и дожидался нас. Наконец мы добрались до третьего этажа. Павел Игоревич, добравшись до пролёта показал рукой нам, что ему нужно отдышаться. Мы остановились и молча жд

лись, когда он восстановит дыхание.

Мы вышли в длинный светлый коридор. В пролётах стояли в горшках зелёные деревца и кожаные, слегка потрепавшиеся диваны. Вдоль стены было развешано пару не больших картин с изображёнными постройками на них. С каждым шагом моё волнение усиливалось, а сердцебиение учащалось. Я представлял много раз, как столкнусь однажды с генералом и произведу на него неизгладимое впечатление. Но сейчас мне хотелось развернуться и убежать. Я даже не знал, что сказать ему. Предстать перед ним как самонадеянный, наглый, дурак я не хотел. Чем обосную свою наглость? Я стыдился того, что заставил руководителя просить обо мне. Кто же так делает? В книгах так поступали только негодяи и самонадеянные глупцы. Таким человеком я себя сейчас ощущал. Я негодовал на своё упрямство, если изначально меня не взяли, зачем полез, да ещё и руководителя заставил за меня просить. Где моя голова была час назад. Я корил себя пока мы не дошли почти до самого конца коридора. Дежурный повернул в один из пролётов. Он подошёл к двери и показал нам рукой чтобы мы пока оставались здесь.

Вот она эта дверь, а за ней не уж то сам генерал? Все мысли тут же улетучились. Дежурный постучался и не дожидаясь ответа зашёл в кабинет и закрыл за собой дверь. На секунду из образовавшегося проёма, в полумрачной комнате я успел лишь разглядеть стеклянный комод, стоявший у стены и рядом с ним дерево в горшке. У меня сперло дыхание.

В образовавшуюся щель я попытался увидеть генерала, хотя бы краем глаза, но кроме как входной части кабинета никого не заметил. Может нам не придётся туда заходить, лишь получим ответ и уйдём. Мы с руководителем остались в коридоре одни, в полной тишине пустых прохладных коридоров. Я лишь слышал и чувствовал, как отчётливо в висках, в вене у горла отбивает чечётку моё колотящееся от волнения сердце. Я взглянул на Павла Игоревича. Он стоял, напряжённо уставившись в одну точку перед дверью и его рука поддёргивалась, поправляя край пиджака. Похоже и Павел Игоревич немного нервничал.

Не прошло и двух минут как дежурный открыл нам дверь и попросил зайти. Меня обдало жаром. Щеки запылали. Я попытался отмахнуться, но Павел Игоревич подхватил меня под локоть и повёл за собой в кабинет. На дрожащих ногах я переступил порог следом за руководителем. Павел Игоревич поправил и застегнул на все пуговицы пиджак, достаточно уверенно направился дальше вглубь в полумрак кабинета к отдельной комнате с приоткрытой дверью напротив входной двери. Там на краю стола стояла лампа, освещающая комнату и часть кабинета.

Я растерялся, не зная куда себя деть, придвинулся ближе к стеклянному комоду. Вмиг я почувствовал страх, стыд, дрожь во всем теле. Время замедлилось. Павел Игоревич, зайдя в отдельную комнату, протянул руку через стол. До меня донёсся довольно спокойный приятый мужской бархат-

ный голос и волна страха и волнения пробежала вновь по всему телу, я невольно приподнял голову. Это был он!

— Как поживаете? Давно не виделись с Вами.

— Неплохо, неплохо, — в голосе Павла Игоревича проскальзывала сдерживаемая нота негодования, хотя он пытался прикрыть её любезностью и старался быть дружелюбным. Эта двойственность в голосе руководителя меня покорибила. Я негодовал на Павла Игоревича и на его недостаточно почтительный тон. Мы ворвались к генералу среди ночи ещё и так не уважительно, — да, давненько не виделись. Вы после последнего собрания три года назад в Заречье у нас больше не появляетесь, поэтому не было возможности увидеться, — Павел Игоревич сдержанно пожал руку генералу, как будто давнему, старому другу.

— Работа, видите сами, приходится оставаться до полуночи разбираться в бумагах.

— Да, с сегодняшние времена не видать нам отдыха. Делаем все чтобы сохранить землю и поднять молодое поколение. А некоторые наши с вами коллеги особо не беспокоятся, уж давно спят. Иван Сергеевич все так же трудится не покладая рук? — губы Павла Игоревича скривились, пытаюсь изобразить добродушную улыбку и тут же приняли вновь прежнее сосредоточенное положение. Странная неловкость проскальзывала в его движениях, которую он, чувствуя сам пытался скрыть за дружелюбием. Между ними повисло молчание.

Я, немного осмелев и подавшись восторгу с жадной улавливал каждое слово генерала. Его интонацию. Дыхание перехватывало. Я вздрогнул, когда из — за стены, закрывающей часть комнаты, мелькнула кисть его руки. Он вытянул руку и на край стола сложил бумаги. Я не решался пошевелиться и сдвинуться с места. Стоило мне сделать два шага влево, где стоял дежурный и он бы меня заметил.

— Ну так с какой просьбой, Вы ко мне так неожиданно пожаловали? — рука генерала показала на стул, стоящий у стола, — присаживайтесь, — Павел Игоревич принял предложение и вздохнул.

— Есть у меня к Вам небольшая просьба..., но очень важная, — добавил он.

Я затаил дыхание понимая, что речь сейчас пойдёт обо мне. Я все также стоял в дверях вместе с дежурным и завидовал его спокойствию. Я на всякий случай поправил волосы. Рубашку по лучше заправил в брюки.

— Все знают, что через две недели Вы выходите с отрядом, в том числе и с отобранными новичками, в учебный поход. Я хочу от чистого сердца пожелать Вам выдержки, терпения, лёгкой дороги и добраться невредимым до места назначения, а также сохранить всех ребят, которые доверят или уже доверили Вам свои жизни. Все знают как парни стремились пройти отборы. Как только они узнали, что поход поведёте Вы, с ними что — то произошло не ведомое. Все студенты, курсанты ринулись добровольцами, без страха, без капли

сожаления. Вы их кумир, они за Вами пойдут в самое пекло.

В кабинете повисла тишина. Я и дежурный внимательно, затаив дыхание слушали восторженную речь Павла Игоревича и ждали что будет дальше. Рука генерала упёрлась о край стола и в такой позиции замерла. Видимо генерал не ожидал от Павла Игоревича такой бравады. Один руководитель похоже знал, что делал. Он перевёл дыхание и снова продолжил.

— Анатолий! — вдруг обернулся Павел Игоревич и выглянув из — за стены, махнул мне рукой, чтобы я подошёл. От внезапности я вздрогнул и всего меня затрясло. Я не уверенным шагом все ближе и ближе стал подходить к комнате. Я переступил порог комнаты и остановившись, бледнея на глазах тут же встретился с ним взглядом. Я, не сумев выдать из себя приветствие растерялся, покраснел и опустил глаза в пол. Но Павел Игоревич продолжил:

— По информации, которая до меня дошла, этот парень не прошёл отбор, чему я очень удивлён. Так как этот парень очень крепок на дух, физически развит, умён, быстр. Он один из моих лучших учеников, — руководитель понизил тон и шёпотом произнёс, но так чтобы слышали все, — а вы знаете у меня их не много. Ему можно доверить любую работу. Он выполнит её превосходно. Это один из тех типов людей, которым можно доверить любую сложную задачу, как говорится. Генерал от чистого сердца советую этого парня. Может найдётся для него место в отряде? Упустите тот не

огранённый камушек, который со временем превратиться в бриллиант. Я за него ручаюсь.

Павел Игоревич прижал руку к сердцу и дал понять, что он закончил. Генерал сидел, молча разглядывая меня, пока руководитель говорил. Я то бледнел, то краснел. И не в силах был взять себя в руки и посмотреть генералу в глаза. Меня всего колотило. Я спрятал руки за спину.

Генерал откинулся на спинку кресла и снова взглянул на меня.

— Раннее вы были другого мнения о походах и обо мне. Что же изменилось? — спокойно поинтересовался он.

Павел Игоревич потер подбородок.

— Видите, как жизнь меняется. Стоит пройти несколькими годам и жизнь нам снова преподносит сюрпризы. Честно говоря, я по — прежнему не в восторге от ваших походов. Но похоже судьба не успокоится, пока не добьётся от меня жертвы. Я по глупости своей ранней, не хочу снова наделать ошибок. Да Вы и сами все знаете ..., — посмеялся натянуто руководитель, — но все же Вы должны знать, что моё нутро, по — прежнему, против всего этого. Но что я могу сделать? Похоже жизнь не оставит меня в покое пока не научит меня покорности.

Генерал молчал, разглядывая меня. На слова руководителя ни одна мышца на его лице не дрогнула.

— И чем же ваш молодец хорош?

Павел Игоревич взглянул на меня стоящего в дверях. Они

ожидали от меня ответа. Я начал краснеть, пытаюсь собраться с мыслями.

— Я родился в деревне Восточные Затоны..., — начал я и запнулся от волнения. Снова возникла тишина.

— Меня не это интересует, — прервал генерал молчание, ожидая от меня другого ответа.

Я тут же почувствовал не вероятный стыд за свою глупость. Я попытался исправиться. Глотая слова, еле смог выговорить, что учусь в университете. Генерал смотрел на меня пристально и по его взгляду можно было прочесть, что он потерял ко мне тот интерес, который руководитель вызвал в нем своей речью. Что было дальше ни один уважающий себя парень никогда в жизни не признался бы. Хотя что мне скрывать, возможно вы меня никогда и не увидите, и не узнаете. Тем более тетрадь не подписана. Возможно, это мой последний поход. И я погибну в возрасте семнадцати лет. А мне бы хотелось выложить на эти листы бумаги всю правду. Чтобы в старости, если выживу прочесть и вспомнить свои приключения и как это начиналось.

После того как я предстал перед генералом. Он заинтересовался у меня, почему такой парень не смог пройти отбор, раз так убедительно меня описывает мой руководитель. Этот вопрос застал меня врасплох. Я понимал, что генерал меня просто проверяет. Хочет узнать меня лучше, но я был не готов. Я не знал, что отвечать и как правильно отвечать. Чтобы не показаться слишком наглым или бездушным или равно-

душным. Руководитель вступился за меня. Что — то сказал про мою скромность. Когда генерал обратился ко мне с очередным вопросом, я не смог сдержаться, разочаровавшись в себе, я не смог сдержать слезы. Они покатались большими каплями, обжигая щеки. Это видел и мой руководитель и генерал. И как мне показалось меня осуждали и не понимали все в комнате, особенно руководитель, ведь я его заставил идти сюда, а сам не справился даже с пару вопросами.

Все мои слезы прекратились, как только я вышел из кабинета. Руководитель не стал долго на это смотреть и извинившись перед генералом, сказал мне покинуть кабинет и дожидаться его за дверью. Я ждал его, спрятавшись за углом пролёта, чтобы ни в коем случае больше не попадаться на глаза генералу. Как я себя ненавидел в тот вечер, наверно такого презрения к себе я больше никогда не испытывал. Мне хотелось побыстрее уйти, провалиться сквозь землю, выть. Я метался, не зная куда себя деть.

Руководитель вышел из кабинета, где — то через минут двадцать.

Спускаясь, по той же самой лестнице, я не мог посмотреть в глаза ни дежурному, ни взглянуть тем более на Павла Игоревича. Слезы застилали мне глаза.

Я плёлся за руководителем по пустынным тёмным улицам молча. Мы не проронили ни слова. Я хотел побыстрее забыть все что было там в кабинете. Единственным утешением для меня было то, что генерал уйдёт в поход и с ним мне боль-

ше не удастся свидеться. Так что мне не придётся краснеть и с позором опускать взгляд. Я терялся. Перед Павлом Игоревичем извинюсь. Я подставил его. Он так расхваливал меня, а я расплакался как... сложно даже сказать, как слабак. Я самый настоящий слабак.

Мы дошли до перекрёстка. Я ожидал что руководитель будет зол на меня, что с пренебрежением отправит меня спать, но он похлопал меня по плечу и мягким, добрым голосом сказал, чтобы я не расстраивался. Что судьба есть судьба. Чтобы я пришёл и ни о чем не думая ложился спать. Утро мудренее вечера. Он дал мне проходной билет в общежитие, который выписал мне дежурный в штабе по просьбе руководителя, что я был задержан учителем, а не прогулял комендантский час. Я искренне поблагодарил его, стыдясь поднять глаз. Я еле внятно, дрожащим голосом, извинился. Павел Игоревич снова похлопал меня по плечу и ушёл в сторону спального дома.

Мне не хотелось возвращаться в свою комнату. Ведь там мне все напоминало о моем придуманном великом будущем. Ведь там я не давно лелеял мысли о походе, а сейчас все те сладкие надежды превратились в ощущение не смываемого позора, оставшегося на всю жизнь. Выходя из кабинета, я может быть еще теплил надежду, но когда Павел Игоревич произнес: «Не судьба», то мне все стало понятно. Генерал отказал мне. Я ненавидел себя, своё отвратительное стеснение и страх. Я презирал себя. Как я мог, таким показаться

перед ним. Какой из меня герой? Я зашёл на задний двор общежития и облокотившись о стену, опустился на корточки. Пытался побороть свои терзания. Я судорожно искал в себе хоть малейшую добродетель, чем я мог вызвать в великом полководце уважение. Прокручивая в голове снова ситуацию, понимал ничего подобного я не мог вызвать в этом человеке.

С этих пор я ненавидел тот вечер, поход, ненавидел тех людей, которым удалось попасть в отряд. Я украдкой смотрел на них, пытаюсь найти в них качества, которые делают их лучше меня самого. И казалось, что и в самом деле в них было все лучше. Я видел в каждом грандиозное военное будущее — моё будущее. Победы и медали, принадлежащие мне. А самое главное заслуженное одобрение генерала. Если бы ни случись все то, что было тем вечером я бы не презирал настолько этих будущих солдат. Не чувствовал боль от того, что меня мало того не оценили на отборе, так ещё и отвергли. Отверг сам генерал. Казалось, жизнь на этом потеряла смысл.

Слушая лекции в голове у меня, было одно, я то и дело заново прокручивал разговор с генералом и находил разные ответы, которые впечатляли бы его. Я жалел, что нельзя вернуть время назад и попробовать снова. Я злился и на руководителя, что он так резко принял решение встретиться с генералом. Мне требовалось время. Подготовиться. Я бы ответил на все вопросы. Я бы стал тем, кто удивил генерала своей

эрудированностью. Ох, он и представить себе не мог бы насколько я бы удивил его знанием военных строевых команд.

С того вечера мне часто снились сны о том, что я попал в поход и стал солдатом. Я просыпался с чувством не обыкновенного счастья, затмевающее все, но реальность отрезвляла и на смену радости приходило разочарование.

Дни тянулись за днями. Из старшекурсников было четверо парней, которые прошли отбор. Их вызывали на переменах, между лекциями, то для подготовки, то для примерки солдатской формы. Я смирился и отводил взгляд, когда видел их. Даже подавил в себе зависть и злость. Павел Игоревич скорее всего был прав судьба есть судьба.

Занятия начались как обычно в девять утра. В небе проглядывалось солнышко. Я сидел возле окна пригревшись под слабыми лучами солнца, облокотившись на подоконник и пытался вникать в новый материал. Мне не было интересно на лекции. Я все пропускал мимо ушей. Меня ничего не радовало. Я впервые не был готов по домашнему заданию и объясняться мне совсем не хотелось. Я потерял интерес, казалось, ко всему, что меня окружало. Мир вокруг я воспринимал как одну беспросветную серость. Излюбленные книги по военной тематике, которые были у меня, я забросил по дальше от глаз. Перестал появляться в библиотеке. Все мои предыдущие старания были направлены на карьеру на военном поприще, быть лучшим среди лучших. Стать таким как генерал. И с моим умом я верил, что мог добиться его

расположения. До того момента пока не опозорился перед ним. Да, так что одно воспоминание об этом выворачивало мою душу на изнанку. Казалось, шанс был удачно использован, но нет. Я до сих пор чувствовал себя виноватым перед руководителем. Хотя с того момента как мы попрощались возле общежития, мы больше не разговаривали на эту тему и казалось, что Павел Игоревич совершенно забыл об этом инциденте.

Прозвенел звонок. Объявили большую перемену. Я отвлёкся от своих мыслей и принялся складывать учебники в сумку. Друзей у меня не было, с которыми бы я проводил свободное время вне лекций, поэтому чаще всего на переменах я уходил в библиотеку. Среди книг я чувствовал себя уверенно. Там я мог притвориться занятым и благодаря этому отсидеть шумные перемены между лекциями.

Сам я не видел в отсутствии друзей большого недостатка, но почему — то все вокруг считали по — другому. Поэтому приходилось проводить время с пользой, чтобы не быть настолько явной белой вороной. По правде говоря, меня и так все обходили стороной и косые взгляды не редко ловил на себе. Я не понимал природу этих взглядов, то ли это была зависть из — за моего успеха в учёбе, то ли есть во мне что — то странное для окружающих, что заставляет их не ловко чувствовать себя рядом со мной. Я много раз думал на этот счёт, но для меня тема дружбы оставалось непонятной. Оставалась секретом и по сей день.

Я встал со стула и вышел из аудитории в коридор. Прямо перед моим носом пробежали двое моих знакомых с курса постарше. Они, обернувшись махнули мне рукой и направились вдоль коридора. Я не успел сориентироваться, кивнул им в ответ, когда им уже не было дело до меня. Таких знакомых у меня набралось не мало, но это лишь были внешнее проявление дружбы. Выстроить большую дружбу ни с одним из них у меня не получилось, но я не особо и старался. Они обращались ко мне за помощью, как только не справлялись с заданиями по экзаменам. У меня было искреннее желание подружиться хотя бы с кем — то из них. Беседовать, делиться, иметь что — то общее, но странная дистанция всегда оставалась между ними и мной. Чувство что мной пользуются меня не покидало. Да и никто не нуждался особо в моей дружбе. У всех были свои компании.

Со знакомым Вальтером с кадетского учреждения, я так же познакомился на соревнованиях по вычислительной математике. Нас было двенадцать человек, по два человека с разных курсов и университетов. У каждого сложнейшие задания данные согласно своему курсу. Я был первым кто закончил решать задачи. Я поднял руку о завершении и мне разрешили подойти и сдать свою работу. В кабинете присутствовало три человека из областной проверяющей комиссии. Я подошёл и на край стола положил законченные тесты. Мужчина открыл мою работу и пробежавшись глазами разрешил мне вернуться на своё место. Я проходил между сто-

лами к своему месту, как парень с кадетского учреждения, он сидел с краю на соседнем ряду, незаметно сунул мне в руку сложенный оторванный кусочек бумаги. Я не ожидал, и первая мысль была закинуть ему под парту эту записку обратно. Но я замешкался, боясь, что меня могут заметить и пройдя к своему месту, не понимал, что теперь с этой запиской делать. Я сжимал её в ладони, так что руки у меня вспотели.

Проверяющие не сводили глаз с соревнующихся. Если кто — то из нас опускал глаза или летал, где — то в своих мыслях, то одна дамочка с вытянутым, морщинистым лицом, с очками и красным цветком в пучке очень пристально по всем проходила. Я даже пару раз встретившись с ней глазами, сразу же отводил взгляд, чтобы она не заметила моё беспокойство и не догадалась. Я не решался открыть бумагу, я не решался даже разжать ладонь, в которой её держал. В мыслях ругая этого парня. Это может быть чистая подстава. Если кто — то заметит, меня могут просто отчислить. Это соревнование подводили итоги прошлого учебного года и являлось хорошим показателем для дальнейшего поступления и в военное в том числе. И поэтому к этому соревнованию я готовился три месяца, оставаясь на дополнительные задания и не вылезая из библиотеки. Все, кто здесь находился, все были претенденты на окончание учебного года с золотой медалью. К тому же это был хороший показатель для дальнейшего выбора жизненного пути.

Прошло пару минут, а моё сердце все колотилось от волнения, и я боролся с самим собой, стоило ли помогать, ведь это, с одной стороны, совсем не честно по отношению к другим и в первую очередь ко мне. Мою работу могут аннулировать из — за этого клочка бумаги. Парень, который передал мне бумагу, сидел впереди, ко мне спиной и со стороны из — за плеча я мог видеть, как он притворяется что что — то пишет, но на самом деле его ручка вырисовывала цифры в воздухе. Он застрял на каком — то вопросе и не мог его решить. Я сунул пальцы в волосы, смахивая выступивший пот. Мои щеки начинали гореть, от мысли что я вот — вот решусь открыть эту чёртову записку. Что делать? Мне не хотелось подставлять его.

— До конца соревнований пятнадцать минут, — гнусавый противный голос этой женщины заставил всех приободриться.

Парень обернулся ко мне из — за плеча. Мы перекинулись с ним взглядами. В его глазах я прочитал волнение и жалость. Этого взгляда мне хватило, чтобы удостовериться в его искренности. Он снова тихонько уткнулся в листы, подперев голову рукой. Я нервничал. За что мне такая ноша.

Шуршание и возня в зале, после объявления этой женщины, дало мне возможность воспользоваться ситуацией. Пока в классе было шумно, я разжал руку и дрожащими пальцами развернул бумагу. Была не была подумал я.

На влажном клочке бумаги, от моих вспотевших рук, бы-

ло уравнение, после которого знак ровно и знак вопроса. Десятый раздел из пятого курса. В кадетском преподавали ту же математику что и нам. Он серьёзно? Подумал я. Нашёл кого просить. Похоже он не в курсе что я младше его на два года. В прошлом месяце мне приходилось разбираться в уравнениях с курса постарше, помогая какому — то парню. Но это был не пятый курс, но уравнение было похоже оттуда и прикинув пару формул, я вывел ответ. Правильный или неправильный, пусть уже пеняет на себя.

— Сдать билеты! — прогнусавил все тот же голос.

Студенты с правого ряда подскочили и друг за другом потянулись с розовыми листьями.

— Кто уже сдал могут выходить.

Я, воспользовавшись моментом встал. Парень с пятого курса заелозил на стуле. Он до последнего не хотел сдавать. Скорее всего с тестом у него было совсем плохо. Он погрузил пальцы в кудрявые волосы, сжимая их, наверно тем самым заставляя себя думать. Я посмотрел на экзаменующих они полностью были заняты принятием листов и позабыли про ещё сидящих. Самый лучший момент для списывания. Я смял бумагу и прошёл мимо его парты, остановившись из — за толкучки. Парень поднял голову и проводил меня обречённым взглядом. Скорее всего он был готов к тому, что я ему не помогу. Я достал руку из кармана и сравнившись с ним, кинул ему на стол кусок бумаги. Он тут же подхватил, стараясь быть незаметным для других студентов.

В итоге как я и предполагал, я занял первое место, после меня парень с шестого курса и третье место занял парень с пятого курса, которому я помог. Я был удивлён. Со вторым местом его разделяло большое количество времени, потраченное на выполнение задач и лишь пару неправильно решённых заданий. Сдал бы он за более короткий срок и тогда возможно второе место было бы его. Сопоставив факты мне стало не по себе. Будто я сделал пакость. Вдруг он решит, что я специально тянул время и одно из не правильных уравнений было моей ошибкой?

Я поспешил уйти из Дома Культуры, где вывешены были результаты, боясь встретиться с ним. Мне не хотелось ощутить на себе его презрительный взгляд и портить себе настроение из — за предубеждений и глупости бестолковых людей. Ведь я ничего плохого не желал. Моё ликование от очередной и важной победы, омрачилось. Остался не приятный осадок, будто я кому — то специально сделал зло.

Но по случаю злой судьбы, я встретил его на лестнице выходя из холла. Он поднимался по ступенькам мне на встречу с двумя друзьями кадетами. Мы столкнулись с ним лбами, узнали друг друга и я остолбенел и покраснел, чувствуя себя злодеем.

— Привет! Поздравляю с первым местом и спасибо что помог, — он протянул мне руку.

— Спасибо! — не уверено проговорил я, покрасневшись и ожидая за доброжелательностью услышать сарказм.

Мы познакомились. Его звали Вальтер. Пожали руки, и он поблагодарил меня за помощь и пообещал, что как только мне понадобится помощь с его стороны он будет рад предоставить её. Я был искренне удивлён. За все время учёбы ни один студент ко мне не обратился так просто и так дружелюбно. Будто у меня было клеймо на лбу «не подходи». Спустя время ко мне бегали все студенты с пятого кадетского курса с домашними заданиями, рефератами и дипломами. Когда об этом узнал мой руководитель, то пригрозил им и пообещал, что передаст их декану. Естественно, не все испугались угроз и пару человек тайком все так же бегали ко мне за помощью. Но с Вальтером моё общение прекратилось. В этот же день после того, как мы узнали результаты соревнований Вальтер предложил всем вместе вернуться обратно в наш район на автобусе. Я стушевался, но отказывать было глупо, так как нам все равно ехать одной дорогой и стоять на одной остановке. Дом Культуры находился в соседнем районе, в тридцати минутах езды. Я хоть и чувствовал себя неуверенно и зажато, но старался произвести впечатление общительного парня. По дороге он рассказал, что учиться в кадетском корпусе и я искренне слушал его рассказы с придыханием представляя себя на его месте. Я поделился с ним как с детства мечтаю там тоже учиться. Мне казалось, что наше общение сложилось и я был интересным и что возможно после нашего знакомства, я теплил надежду, что у меня появится друг. Но после этой поездки мы так и остались хоро-

шими знакомыми. После он никуда меня не звал. Я его часто видел в компании друзей, играющих на площадке футбол, либо баскетбол. Мы все также здоровались при встрече, либо когда я проходил мимо их училища. Но наше знакомство не переросло в дружбу. Хотя честно сказать я лелеял мысль о дружбе с ним.

Погрузившись в свои мысли, я не заметил, как вновь оказался перед книгами в библиотеке. В раздумьях я попал в раздел лингвистики. Я взял первую попавшуюся книгу, чтобы за чтением переждать перемену. Я достал булку и термос с чаем, и положил их на стул и задвинул под стол. Библиотекарша иногда поглядывала в зал, а потом снова погружалась в книгу. Я пересматривал картинки и перечитывал по несколько раз страницы. Делал себе заметки каких — то показавшихся мне важных вещей, чертил схемы и все так же по старой привычке представлял себя военным командующим батальона.

Вернувшись в аудиторию, я узнал, что вторую лекцию нам отменили, которая должна была идти полтора часа и я прошатался, то в пустых коридорах университета, то в столовой. Все это время не зная, чем себя занять. Остальные мои однокурсники собрались у фонтана, смешавшись в толпе с остальными студентами резвились и бегали дразня друг друга. Я смотрел на них с четвертого этажа из стеклянного коридора и ощущал себя изгоем. Девчонки парой прошли по коридору мимо меня и хихикнули обернувшись. Я сделал вид,

что сильно занят, начал копошиться в рюкзаке.

Я ненавидел все на свете. В итоге нам задержали и третью лекцию на полчаса, и я проклинал уже заведующих и преподавателей, которые так халатно относятся к ученикам. К счастью, этот день двигался к концу, и я измученный бездельем, отменой лекций, уже представлял, как закутаюсь в своё одеяло и усну.

Оставалось несколько минут до конца занятий, и я только сейчас стал ловить себя на мысли, что преподаватель вёл себя не сосредоточенно на лекции. Она больше давала самостоятельной работы в течении урока. А когда начинала спрашивать, все равно отвлекалась на какие — то бумажки на столе. Я решил, что это связано с походом. Возможно, в министерстве возникли трудности из — за набора учеников в отряд, но меня это уже мало волновало, и я не хотел об этом думать. Наконец прозвенел звонок.

Я вышел на свежий воздух. На улице моросил дождь. На душе воцарилась благодать. Довольный тем, что сегодняшний не состоявшийся учебный день в душных аудиториях закончился, я направился к общежитию. Я шел медленно, пиная носком ботинка мелкие камни, попадавшие на пути. Я наслаждался вечерним пасмурным небом, морозящим дождём, мокрым запахом асфальта, только — только виднеющимися побегами на деревьях и мне хотелось покоя и уединения. Я думал над тем, как бы я сейчас себя ощущал если бы был принят в отряд. Казалось до славы, успеха было ру-

кой подать. Я будто бы чувствовал своё великое будущее. Но я не понимал почему же судьба противиться этому. Может она хочет, чтобы я что — то предпринял? Но я предпринял все возможное от себя.

Комнату в общежитии я разделял с двумя парнями. Обычно заселяли по четверо студентов, но четвёртая кровать стояла у нас около полугода и за ненадобностью у нас её забрали, чему мы были очень рады, так как свою обжитую комнату мы не хотели больше ни с кем делить. Тишины, после того как к нам подселили Ника в комнате отродясь не было. С Мелким, так после стал называть Клима Ник, я изначально, когда нас было двое изредка общался, перекидываясь лишь пару словами. Он был младше меня на три года, и я считал, что с ним мне не о чем говорить. После того как заехал Ник наша комната оживилась.

Я направлялся по коридору общежития и уже до меня доносились крики и ругательства. У меня не было сомнений, мои соседи по комнате снова что — то не поделили. Их не смущало что их ругань и споры слышны на верхних этажах общежития. К нам ни один раз заходил вахтер и делал замечания. Заходили парни даже со второго этажа жалуюсь на нас и на шум. Я решил пройти мимо комнаты и переждать бурю в общественной душевой, чтобы не влезать в разборки и не оправдываться перед другими студентами. У меня не было сил вовлекаться в их споры и определять как судья кто из них прав, а кто виноват. Я поспешил дальше по коридору мимо

нашей двери, до ванной комнаты, скинул рюкзак на кафельный пол, снял форму, и стал чистить зубы в одной рубашке и трусах. Я обдумывал сегодняшний день, проваливаясь в мечты, представляя себя одним из взятых в отряд. Мне не было успокоения. Моей глупости не было оправдания, только я мог стоя перед генералом заплакать. Разрыдаться как маленький годовалый мальчик. Я глубоко вздохнул. Я винил себя за упущенную возможность и стоило только вдуматься, я потерял своё блестящее будущее. И как же теперь мне не смотреть вслед избранным парням взглядом полными разочарования. Моему огорчению не было предела.

Я попытался смыть с лица признаки усталости и полностью равнодушия ко всему что меня окружало, сделав воду похолоднее. У меня было пятнадцать минут через пятнадцать минут объявят отбой. Я надеялся, что мои соседи успокоятся к этому времени и не станут грызться друг с другом до ночи.

Я выглянул в коридор, на секунду мне показалось, что крики поутихли, но через полминуты снова раздались ругательства. Я закрыл дверь и снова сел на кафельную перегородку возле раковины и принялся вытирать лицо хлопчатым полотенцем. Чуть дальше по коридору громко хлопнула дверь одной из комнат, я вздрогнул и прислушался.

— Они достали уже! Сколько это будет продолжаться! — один из студентом шаркая шлепками по полу направился мимо душевой к нашей комнате. Он громко забарабанил в дверь, за которой, не переставая ни на минуту воевали Ник

с Мелким, — эй тридцать вторая, вы уже достали всех!

Я не спеша сполоснул щётку. Намылил носки. Больше не единого звука не доносилось из нашей комнаты, настала тишина. Времени до отбоя оставалось совсем чуть — чуть, я простирнул носки, отжал и стал вешать на сушилку у стены. Внезапно дверь приоткрылась и один из моих соседей белокурый, с растопыренными в разные стороны волосами, встретился со мной лицом к лицу в дверях. Выражение его раскрасневшейся физиономии резко переменялось. Он вначале удивился, увидев меня, а затем раскрыв широко глаза и рот, распахнул дверь и заорал ещё громче, чем когда ругался с Мелким в комнате.

— Вот он! Он, здесь! Я нашёл его!

Он выглядывал в коридор тыкая в меня пальцем. Я от смущения и чувства вины перед другими студентами сжался и пролез между раковиной и сушилкой в угол боясь попасть из — за них в неприятную ситуацию.

— Что ты творишь? — зашипел я, пытаюсь слиться с кафелем и стать незамеченным, — тише...

В их разборках я участвовать не желал и быть судьёй тем более. Тем более оправдываться за них перед другими. Не успел я договорить, как вдруг дверь резко распахнулась и в душевую забежала наша преподавательница по русскому языку. Женщина около тридцати пяти лет, с узким заостренным носом и маленькими глазками. Это она нам сегодня вела последнюю лекцию и была очень рассеяна и не вниматель-

на. Имени её я никак не мог запомнить. Она появилась у нас в университете недавно. Павел Игоревич представил её нашей группе как преподавателя по русскому языку, лингвистике и литературе и после этого она провела нам лишь пару лекций за весь месяц, не считая вчерашнюю. Но за это короткое время мои одноклассники уже дали ей кличку «бабье лето» за то, что она была худой, высокой и одевалась в длинные юбки невзрачного цвета, с оборками вдоль всего подола и в такие же рубашки, отделанные мелкими кружевами. Не на одном преподавателе я не видел столь странного костюма. Причём все костюмы у неё были похожи один на другой. За такой странный вкус в одежде я с недоверием к ней относился. Я отбросил свои носки за раковину и испуганно кивнул головой вместо приветствия. Затем в дверном проёме показался толстоватый мужчина ниже её на две головы. Я, застеснявшись натянул рубашку стараясь прикрыть нижнее бельё.

Преподавательница, завидев меня в одной рубашке сказала, чтобы я быстро натянул штаны и шёл с ними. Мужчина, который был с ней, очень грубо стал подгонять меня. Я схватил штаны, которые висели на перегородке душевой и путаясь в штанинах наконец одел их. Я хотел схватить свой пиджак и рюкзак, но у меня все вырвал мужчина из рук и передал их соседу. Они выскочили из ванны, я бросился за ними, сосед бежал за мной подталкивая меня в плечо что бы я не отставал. Мы вышли из общежития. Женщина очень спешила, мужчина шёл за ней еле успевая из — за своего

веса и маленького роста, он все пытался ей сказать помедленнее, но из — за отдышки не мог выговорить ни слова. Я шёл быстрым шагом между ними. Боясь отстать от преподавательницы и беспокоясь за полноватого мужчину. В растерянности и полном неведении. Когда я увидел огромные ворота со львами, я вспомнил день в штабе вместе с Павлом Игоревичем, тут же моё сердце заколотилось.

Мы прошли, как в прошлый раз, через красивый холл, только не завернули как тогда на лево, а прошли прямо по лестнице и вышли в огромный голубой зал. По обе стороны находились те самые красивые винтовые лестницы. Мы поднялись по одной из них пройдя по коридору со множеством массивных дверей. Преподавательница открыла одну из дверей в самом конце коридора и зашла без стука. Я остался у порога. Полноватый мужчина, который отстал и был позади меня, догнал нас, он толкнул меня в комнату и зайдя сам, захлопнул за собой дверь.

Меня ослепил яркий свет в комнате. Я слышал много разных голосов. Кто — то говорил громко стараясь всех переговорить. Другие смеялись. Я стоял как испуганная овечка на пороге боясь шелохнуться. Словно меня окружали тысячи глаз, наблюдающих за мной и моим страхом перед генералом. Мне казалось, что смех в кабинете был спровоцирован мною. Мне казалось, что все обсуждают мой недавний позор.

Мимо меня в глубь кабинета прошёл мужчина с отдыш-

кой утирая пот платком с лица и скрылся за перегородкой. Я слышал оттуда голос преподавательницы по филологии. Она затерялась, где — то в глубине комнаты. Но я боялся слышать только один голос, который приводил меня в ужас и панику. Перед которым я не в силах был устоять и терял всё своё самообладание. Я оказался один на один со своим страхом. Уже не было рядом руководителя, который мог за меня заступиться.

— Анатоль, — крикнула преподавательница мне.

Я задрожал всем телом и поспешил на голос. Я с опаской показался на пороге кабинета. В комнате находилось человек пять. Двое сидели за столом. Одного из них, полноватого мужчину лет сорока пяти, с редкими рыжими волосами я запомнил ещё при собраниях в штабе. Он никак не отреагировал на моё появление и даже не взглянул на меня. В конце стола сидела преподавательница перед ней была стопа тетрадей и книг. Позади неё на кресле расположился тот самый мужчина, который обливался потом и не мог никак отдышаться. Позади сидящих за столом стоял мужчина с усами и курил трубку, уперевшись о стену. Его я не знал. Кто — то сидел на диване слева от меня спрятавшись за огромным комнатным деревом. На лбу у меня выступил холодный пот, ладони стали влажными, а вдруг это ОН там... подумал я и тело моё оцепенело от страха. Преподавательница попросила тишины. Все в комнате обратили на неё своё внимание. Ситуация повторялась. Я искренне недоумевал и не пони-

мал, ведь я не просил более ничего. Я смирился с проигрышем. Генерал позвал меня отчитать за мою наглость и дерзость? За то что я посмел заявиться к нему и привлечь своего руководителя? И хочет выставить на посмешище такого как я? Я не готов был снова к встрече с ним и уж тем более выслушать от него оправданные претензии. Знал бы он что я и без того себя чувствую подлецом, который решился обмануть всех и через руководителя попасть в отряд, не имея на то никаких обоснований. Я был готов уже выскочить из комнаты, меня лишь остановило то, что это было бы по отношению к нему совершенно не уважительно. Мне было стыдно за тот раз. Я готов был извиниться за все, признать это ошибкой и больше никогда не попадаться генералу на глаза.

— Анатолий Ющинский. Студент третьего курса. Один из самых одарённых и преуспевающих студентов на данный момент в нашем университете, — проговорила преподавательница, — один из кандидатов, выдвигаемых Павлом Игоревичем.

Силуэт за деревом пошевелился. Я замер страхась увидеть снова генерала. Поймать его презрительный взгляд. Почему — то мне казалось, что именно таким взглядом он должен был смотреть на меня. Сердце провалилось в пятки и руки затряслись. Из — за дерева показался человек.

— Мальчик мой, — подскочил руководитель с дивана и кинулся ко мне прижимая меня к себе, — а ты что в таком виде? — руководитель осмотрел меня.

— Мальчик уже собирался спать, у них отбой в десять, мы его выхватили за пару минут, — проговорила единственная женщина в этом кабинете.

— Да он трясётся весь стоит, хоть дали бы парню одеться путём, — руководитель снял с себя зелёный пиджак и накрыл им мне плечи.

— Итак, давайте не будем терять время, — продолжила она. Павел Игоревич усадил меня на диван рядом с собой. Я озирался по сторонам не понимая, о чем идёт вообще речь и к чему такое позднее собрание. Мой руководитель казался был в приподнятом настроении. Все сидели с серьёзным видом в комнате, но в тоже время обстановка чувствовалась не принуждённой. В середине серьёзного диалога мог кто — то пошутить и смеялись все, кроме преподавательницы, Жанны Витальевны, она все так же оставалась серьёзной и снисходительно относилась к балагурству господ. Самым смешным и приятным мне показался человек с усами и трубкой. Он казался находчивым и умным. Чаще всего, когда он высказывался по теме, большинство его умозаключений заканчивались философскими фразами. Но эти выражения были из тех, над которыми начинаешь задумываться и что — то в твоей голове на чуточку становится яснее. Мой руководитель часто ему подыгрывал. Все это мероприятие длилось около часа, речь шла о цифрах, ценах, задачах, проблемах. Только я не мог понять зачем им здесь нужен я. Я пытался спросить у руководителя, когда он брал паузу, но он как буд-

то меня не слышал. В итоге, когда основные вопросы были решены, как я понимаю, один из мужчин, сидящих за столом с рыжей пролысиной, обратился к моему руководителю.

— Сможет ли ваш ученик выдержать требуемые правила. Вести финансовые и хозяйственные дела?

Руководитель потёр подбородок:

— Он быстро учиться. За отведённое время я успею ему объяснить требования. Он будет знать все то, что нужно.

— Времени мало, — грустно напомнила преподавательница, — может кто — то другой у вас есть на примете, более сведущий в этих вопросах?

Руководитель покачал головой:

— Других кандидатов нет. Но про этого парня скажу, что он изучил учебного материала на два курса вперёд, — все в комнате зашевелились. А человек с трубкой издал восторженный звук. Жанна Витальевна подтверждающе качнула головой, — Жанна Витальевна не даст соврать.

Я вжался в диван чувствуя на себе пристальное внимание, к которому я не был готов.

— Поэтому, думаю, — продолжил руководитель, — он то, что нам нужно. Трудолюбивый, ответственный, терпеливый, умный, он подойдёт как никто другой. Что ещё требуется.

Слова моего руководителя, казалось, отбросили у всех сомнения, и никто больше не хотел предлагать другие варианты. Минутное молчание и размышление сидящих в кабинете прервала преподавательница. Она положила на стол не боль-

шую стопку с листьями и ударила по ней ладонью.

— Что ж, есть ли у кого ещё какие варианты или предложения?

В комнате снова наступила тишина. Мужчина с усами, стоящий у стены, в очередной раз зажёг свою трубку и глубоко затянувшись уставился в пол. Рыжеволосый мужчина смотрел на меня пристальным взглядом будто анализируя меня. Он прищурился и закачал головой. Напротив него мужчина, сидящий к нам спиной, пожал плечами. Преподавательница обратилась к толстому мужчине, тихо сидевшему в кресле.

— У вас есть какие —нибудь вопросы Артамон Геннадьевич?

Тот лишь молча закачал головой. Казалось ему совершенно было безразлично, о чем шла речь. Он был готов поддержать любое решение.

— Ну что ж, — продолжила Жанна Витальевна, — Павел Игоревич поздравляю, я рада что именно вашего ученика выбрали. Она встала со стула. Павел Игоревич, как молодой парнишка подскочил к ней на встречу. Улыбаясь и радуясь, они обнялись, отвесив друг другу пару комплиментов. Мужчина с усами подошёл ко мне с важным и почтенным видом и протянул руку для пожатия, как будто мы были с ним на равных и одинакового возраста. Меня это впечатлило. Я подскочил с дивана одной рукой придерживая пиджак руководителя другой пожал ему в ответ руку. Я смотрел на

всех этих людей и искренне не понимал, чему они радуются, меня к чему — то приспособили, но меня даже не спросили, и я сомневался буду ли я этому рад. Мужчина с усами подошёл к Павлу Игоревичу, они расцеловались и похлопали друг друга по спине. Толстый мужчина тоже подошел к моему руководителю и пожал ему руку, — Рад за вас! — произнёс он.

Двое людей, сидящих за столом, подошли к Павлу Игоревичу и пожали сдержанно руководителю руку. Один из них, который был с рыжей пролысиной при выходе из комнаты подмигнул мне и с сарказмом пожелал удачи. Казалось, эти двое мужчин были чем — то расстроены и не были так счастливы как мужчина с усами. И тем самым вызвали у меня не приязнь, особенно рыжеволосый.

Мы с Павлом Игоревичем вышли из штаба на улицу, когда все разошлись. В штабе осталась только преподавательница по филологии. Павел Игоревич с ней долго ещё что — то обсуждал пока я стоял в дверях и сожалел что, однако генерала сегодня не было в штабе. Был бы он здесь сейчас, увидел бы как преподаватели ко мне относятся и услышал лестные комментарии в мой адрес. Вот тогда бы он поменял обо мне мнение и возможно пересмотрел мою кандидатуру.

Руководитель, казалось, не шёл, а летел от счастья по тёмным улицам. Он напевал что — то себе под нос и все так же широко улыбался. Я решил спросить, что обсуждалось на собрании и почему меня привели на него. Павел Игоревич

выдохнул и прижав меня к себе обнял одной рукой за плечо.

— Мальчик мой, — он так говорил, когда был безмерно доволен. А чаще всего, когда я выигрывал соревнования. В эти моменты я чувствовал, как руководитель гордиться мной. Может быть, меня снова выбрали на какое — то более серьёзное соревнование. Ведь речь шла о материале, которого я не знаю. Возможно, что так. Руководитель снова взглянул на меня, потрепал меня по плечу, — завтра все узнаем!

Он протянул мне проходной билет. Я отдал ему пиджак.

— А теперь давай иди быстро до общежития, не хватало чтоб ещё простудился.

Я попрощался с руководителем и вернулся. Всю оставшуюся ночь я вертелся в кровати и не мог уснуть. Сон как рукой сняло. Мне что — то не давало покоя, а что я не мог понять. Я думал о генерале, о том, как наверно хорошо, когда тебя все уважают и восхищаются заслуженными победами. О руководителе, о том, что он добился большого уважения в обществе будучи обычным педагогом. Что меня всегда удивляло, так как никто больше из наших педагогов не имел такой вес своего мнения среди высоких чинов. Об известных мировых личностях, через что им пришлось пройти, добиваясь желаемого. А я? А я, по сути, никто. Что мне готовит судьба и есть ли у неё вообще планы на меня. Я не знал и, может быть, мне не давало покоя именно то, как сложится моя жизнь. Жизнь не давала мне серьёзных испытаний, не проверяла на прочность. Не оттого ли, что я ей не нужен или

может быть я просто ещё молод? Вопросов было много, а ответа на них никто не давал. С такими мыслями я уснул за час до подъема.

Все утро я был вялым. Я не чувствовал желания делать что — либо. Однокурсники раздражали своей весёлостью и смехом. Мне все время казалось, что они смеялись надо мной. Мне все, казалось, что слух о моем позоре просочился в стены университета и теперь все за моей спиной обсуждают мою наглость и хлипкость. Я прислушивался и убедившись, что они говорили, о чем — то другом, снова погружался в свой мрачный мир. В обед на большую перемену я спустился в столовую и взял себе чай и второе. Сел за свободным столом и продолжал думать о том, как потускнел мир вокруг. О том, что меня стало мало радовать учёба, военное поприще и все, что с этим связано. Мои мысли текли медленно в голове сменяясь друг за другом, как вдруг краем глаза я увидел резко приземляющийся поднос с едой на мой столик. Я вздрогнул и обернулся. Это был мой сосед по комнате Ник.

— Привет! — он, как всегда, был чересчур оживлённым, можно сказать до безумия резким. Ссоры и драки создавал на раз два и даже учителя не могли его по — настоящему наказать, так как он всегда очень искренне удивлялся, тому, что конфликт произошёл именно по его причине. Хотя это не всегда было так. Лидеры школы, сильные парни, сторонились его, не потому что боялись, а потому что знали, что этот парень даже словами может дать отпор и не побоится сра-

зиться на кулаках. А лидеры народ пугливый, боятся потерять любовь своей публики, поэтому не связывались с ним, гордо с напыщенным видом проходя мимо. Когда его подсадили в мою комнату, я подумал, что он очень пугливый парень и первое время даже пытался помочь ему освоиться и намеревался защищать, но вскоре заметил, что он и сам может за себя отлично постоять.

Подсев ко мне, он не мог спокойно и секунды усидеть на месте. Он что — то говорил мне с набитым ртом и елозил на стуле. Еда, салфетки, специи разлетаются далеко за пределы подноса, и я подумал, что спокойно пообедать мне не удастся. Но что мне в нем нравится, и я даже уважаю его за это, так это то, что он на самом деле такой. Он не продумывает конфликт, не пытается специально что — то сделать, это у него получается само с собой, оттого что он такой чересчур энергичный. И могу даже себе признать, что, когда разговариваю с ним, получаю не большой, положительный заряд энергии от него.

— Рассказывай, зачем тебя забирали вчера? Опять к соревнованиям готовят?

Я смотрел на него и не знал, что ответить. В глаза мне бросились эти его взъерошенные пшеничного цвета волосы. Он держал жирную курицу двумя руками и быстро откусывал от неё мясо наклонившись над тарелкой и из — под лба смотря на меня. По его волосам я мог узнать его со спины даже в толпе.

— Что — то обсуждали вчера в штабе, я не понял. Скорее всего да, — ответил я вяло.

— В штабе? Ого! Тебя в штаб допустили? Да ты важный человек для них. Я думал они тебя в университет отвели. Может они хотят тебя пристроить на какую — нибудь должность? — он продолжал смотреть на меня, не отводя широких глаз полных любопытства.

Я не разделял его радости. Знал бы он правду о моем позоре при генерале, так бы не говорил. Я бы там предпочитал вообще больше не появляться. Я пожал плечами.

— А вчера они к нам в комнату прям зашли?

— Да, я сначала подумал, что кто — то на нас пожаловался из соседей. Заткнул рот Мелкому чтобы не орал. Открыл дверь, а там Жанна Витальевна тебя спросила. Я сказал, что тебя ещё не видел и ты не приходил с последнего урока.

— Ты запомнил её имя?

— Да. Она нам пары ведёт каждую неделю.

— У вас лекции не отменялись?

— Нет. Чего ты вчера сразу в комнату не зашёл? Я ждал тебя. Я Мелкого спалил, прямо за руку поймал как он воровал у меня листы из тетради. С тобой вдвоём сразу бы его к стенке прижали. Я захожу в комнату с последнего урока, а он от моего комода сразу сиганул к себе в кровать. Я бегом к комоду, открываю ящик, а там листы вырванные и разбросанные. Я ему показываю, а он не признается. Был бы ты он бы вмиг все признал.

Я хотел соврать и сказать весомую причину, но ничего в голову не шло.

— Я вчера устал, сразу в душ пошёл, — выдавил я из себя.

— По тебе видно, ты в последнее время какой — то не такой, — он смотрел на меня с сожалением, все также не спуская с меня глаз пил сок и закусывал булкой.

Я молчаливо удивился. «Какой — то не такой»? Прокрутил я в своей голове его фразу. А он разве знает какой я? Откуда, ведь я не говорил ему о себе, по сути, ничего. Не открывал потаённые мысли и не раскрывал глубины души своей. Тогда какой я в его глазах?

Он считал меня своим другом. Я не разделял такого его решения и, казалось, всегда держал дистанцию со своими соседями. Хотя мы и прожили около года, с Мелким чуть больше, для меня они были чужие люди. Но меня все время удивляло как Ник этого искренне не замечал. Делился историями. Он не редко возвращался со мной в общежитие после лекций. Хотя я его не звал. Приглашал меня на каникулы к себе домой, который находился примерно в часе езды. Я на все его приглашения вежливо отказывался, в глубине душе искренне недоумевая его наивности. Мне было интересно как он не замечал моего отстранения и не желания с ним общаться. Это оставалось для меня загадкой. Учитывая то, что иногда я вообще отмалчивался и по быстрее хотел закончить диалог.

— Устал! — коротко ответил я.

— На тебе рейтинг университета, понятное дело. А если ещё должность в штабе дадут. Представь ты будешь студентом, который параллельно служит в штабе.

— Не думаю, скорее всего очередное соревнование, — но на самом деле эта мысль меня зацепила. А что, если и правда. А что, если Павел Игоревич решил пристроить меня туда, чтобы я служил при штабе и не хочет мне раньше времени говорить.

Как бы мне не хотелось Ник увязался за мной до самого четвёртого этажа. Он разговаривал не умолкая, что меня изрядно раздражало. Мысль об предполагаемой должности все больше закрадывалась в мою голову. Я уже воображал и фантазировал как буду ходить в форме дежурного и приветствовать генерала. Может быть так я буду хотя бы на чуть — чуть ближе к нему. Может быть, так смогу загладить свой позор перед ним и доказать, что я не плакса. Он разглядит во мне на самом деле смелого парня и примет меня к себе на службу. Мы с ним будем ездить по всяким делам. Он сделает меня адъютантом. Он узнает кто я такой. Узнает, что мы с ним самые настоящие единомышленники и так похожи душами. Мы с ним станем самыми преданными друзьями. Весь мир будет говорить о нашей сплочённой команде. Наша дивизия будет громить вражеские войска одно за другим. И благодаря нашим усилиям в мире будет мир.

Вечером, когда все студенты разошлись по домам и общежитиям, я вместе с Ником ждали Мелкого у фонтана.

В такое время здесь было довольно тихо. Солнце закатилось за горизонт, и вечерняя мгла окутала рощу. Мы сидели молча. Я даже предположить не мог, о чем думал Ник. Он закинул ногу на ногу и покачивал ногой под еле внятно напеваемую мелодию. При этом он резко оборачивался словно заяц, выслеживаемый хищником, затихал, а потом снова бубнил себе под нос. Его странное поведение всегда меня настораживало. Я и в самом деле не мог даже предположить, о чем в это время он мог думать. По мимо его неустанной болтовни, меня ещё больше держало в напряжении его молчание. Меня это отвлекло от своих дум.

Всю дорогу Мелкий задира́л Ника по поводу носков, которые у того оказались в тумбочке. Теперь я понял предпосылки той вечерней ссоры. Один присвоил себе носки другого, а другой решил отомстить, вырвав листы из тетради. Мелкий не боялся Ника, хотя был на полторы головы ниже его. Он знал, что Ник не сможет ему отвесить оплеуху со всей силы, поэтому вёл себя развязно и мог даже сам ударить, зная, что ему за это ничего не будет. Я наблюдал за ними и не мог понять, почему даже они сдружились. Имея разный возраст, нашли общие интересы и не смотря на все ссоры им было весело друг с другом. Я чувствовал себя снова изгоем.

После того дня, когда я был последний раз в штабе, прошло три дня, а до похода оставалась неделя. Павел Игоревич на днях между лекциями сунул мне в руки книгу, сказал изучить все на досуге. Я, придя в общежитие полистал

страницы и совершенно не смог понять для чего мне нужен был весь этот материал. В книге было много чего выделено и отмечено цветными карандашами. Я бросил её в рюкзак с данным себе самому обещанием, что в библиотеке на перемене завтра начну изучать. Я понял, что ни о какой должности речи не шло. Павел Игоревич меня готовил к следующему соревнованию. Уснул я, отвернувшись к стене, разочаровавшись в своей не везучей судьбе. Снова с тоской и тяжёлым сердцем думая о походе и об упущенной возможности оказаться рядом с генералом. На следующий день и ещё следующий день я даже не вспомнил про книгу. Я вытащил её, готовясь к лекциям и кинул в самый нижний ящик стола. Павел Игоревич мне тоже не попадался на глаза, поэтому я могу себя этим оправдать, что я был слишком погружен в свои мысли, чтобы вспомнить про то, что я обещал и себе и руководителю. Неделя пролетела не заметно и в то же время невыносимо. При виде студентов, отобранных в отряд, я впадал в самое чёрное уныние. Чем ближе была дата похода, тем больше я метался и не находил себе места. Это сравнимо с тем, когда перед тобой распростёрлась широкая река, печёт неистово солнце, все купаются, а ты не можешь. Гадкое, опустошающее чувство.

Оставался день до похода. Начало сборов было назначено в восемь утра следующего дня. Во всем университете чувствовалось огромное напряжение, суматоха. Последний день для будущих солдат. Студенты, которые состояли в отряде,

старались держаться уверенно, но в глазах и движениях чувствовался страх. Я наблюдал за ними и мне передавалось их волнение. Кто — то из них займёт моё место. Я каждого оценивал и мне казалось, что каждый мог стать героем. Будущим великим защитником. А обо мне никто так и не узнает и все из — за одной ошибки.

Как ни странно, и этот день подходил к концу. Солнце закатывалось за горизонт, и небо горело алыми лучами. Мне казалось, что этот день должен был быть дольше всех остальных, часы должны были замереть и не двигаться. Ведь завтра будет не обычный рассвет. И им, генералу и отряду, нужно больше времени чтобы подготовится к нему. Но земля крутится в своём режиме, как будто завтра ничего и не произойдёт и все будет идти своим чередом. Мне стало тошно. Я сидел в парке на скамейке и чувствовал, как настоящая жизнь проходит мимо меня. Закат потух, лишь в пустующей, холодной, безмолвной синеве виднелись алые проблески уходящего солнца. В потухшем небе появились бледные звёздочки одна за другой. Смотря на них, я чувствовал на сколько я бесполезен. И даже представить себе не мог, чем займусь и к чему ещё буду стремиться, оставшись здесь. Бесполезной работой, помогать руководителю доносить рефераты, выполнять мелкие поручения и так из — за дня в день. Разве я мог такое пережить. Я должен был умереть.

На завтра на первую половину нам отменили все занятия. Большинство преподавателей соберутся у стен Мини-

стерства для проводов. Как никак, а в отряд попали наши старшекурсники. Это повод гордиться такими студентами, хоть в нашем университете к этому относились без благосклонности. Руководитель передал мне быть там к семи часам. Отряд сформируется и под предводительством генерала отправится в путь. Я с тяжёлым сердцем согласился присутствовать на этом событии. Видимо руководитель хотел, чтобы я махал белым платочком им вслед и убивался по своей не сбывшейся мечте. Других поводов находится там, я не видел. Меньше всего, к тому же, я хотел встречи с генералом. При одной мысли снова пересечься с ним, меня терзало чувство стыда. На моей не начавшейся военной карьере был поставлен крест позора!

Даже если бы была правдой моя подготовка для должности в штаб, как предполагал Ник, сейчас я бы уже отказался. Уважение генерала мне не вернуть и все мои потуги были бы бесполезны. Теперь я чётко мог себе признаться, как бы не сопротивлялся я себе все это время и не переубеждал себя в ином, я все также неистово хотел попасть в отряд, быть под командованием генерала. В этом была моя цель существования. Ветер пробежался по ногам сметая за собой обломанные мелкие ветки. Я сжал кулаки со всей силы и не сдержавшись заплакал от боли, рвущее мне обеспокоенное сердце.

Наступило утро. Будильник прозвенел в половина шестого. Ник, прищулив один глаз подскочил к будильнику и выключив его, вернулся в кровать. Я поднялся и укутался в оде-

яло. В комнате было холодно. Я посмотрел в окно отодвинув занавеску. На улице было еще темно, перед окном земля покрылась инеем. Я включил светильник на столе. Я сидел в кровати прищурив глаза, не мог вспомнить для чего нужен был такой ранний подъём, но знал, что что — то важное сегодня должно будет произойти. Ник тоже укутался в одеяло и поёжился.

— Парни может не пойдём провожать этот чертов отряд. Наше благословение будет лишним, не донесут.

Ах, точно, я вспомнил, что сегодня выдвигается отряд. Я пытался уверить себя в своём безразличии к этому событию. Уверить себя, что это совсем не важно для меня, хоть нутро моё изнывало при одной лишь мысли, что кому — то посчастливилось оказаться там, но не мне. Быть рядом с солдатами и казаться равнодушным для меня было огромным трудом. Особенно если увижу генерала. Ник тоже пытался прорваться на отбор, но его анкету даже не взяли. Я думаю, что в этот момент он чувствовал тоже самое, что и я.

— Буди Мелкого.

Я не знал хватит ли у меня сил пережить этот самый несчастный день в моей жизни.

— Все — таки пойдём? — одним прищуренным глазом уставился на меня Ник.

— Да. Руководитель просил быть у него. Если хотите оставайтесь.

Он застонал и потянулся к Мелкому расталкивая его.

В коридоре было не привычно тихо. Обычно в половину восьмого начинался утренний подъем студентов. В коридорах царила суматоха. Старшекурсники всегда пытались пролезть без очереди лишь потому, что они были старше. Приходилось до десяти минут ждать очередь в туалет или к раковине. Я вышел в коридор. Туалет, душевая были свободны. Я не стал дожидаться своих направился один. Мне нужно было побыть одному. Собрать свои мысли во едино и настроить себя на то, что абсолютно хладнокровно выполню обещание. Давалось мне это с трудом.

В шесть пятнадцать мы выбежали из общежития. Я ругался на них за то, что они уснули вдвоём, когда меня не было, а потом ещё долго собирались. На моё удивление, я имел над ними власть, и они молча выслушали моё недовольство. Даже Ник, который любил спорить по любому поводу, молча склонил голову. Мы добежали до остановки. Я нервничал и был жутко зол на них. Нам повезло что автобус подошёл через пару минут. Все это время я ходил от одного края остановки до другого. Будто вновь что — то упускал, но зайдя в автобусе успокоил себя. Ничего страшного не случится если не махну рукой вслед уходящему строю. Мне снова стало безумно тоскливо. Я облокотился головой на заиндевшее стекло.

Подъезжая к месту сбора, на улице уже сделалось светлее. Лучи солнца только показывались из — за горизонта огромных стен окружающих наш город со всех сторон. Из окон ав-

тобуса я уже видел возле здания Министерства, с огромным уходящим в небо конусом крыши, три огромные настоящие военные повозки, стоящие под лучами оранжевого солнца. Толпился народ и до меня уже доносился шум, царящий на площади. Министерство находилось у самой окраины города. Огромные железные местами поржавевшие ворота, казалось, возвышались до самого неба. На стене под небом стояли часовые. Окраина города всегда навевала на меня не преодолимый страх. Глухая стена, казалось, отделяла город от той неизведанной части земли, где невозможно укрыться и чувство безопасности стирается.

Я, поправив шапку выскочил из автобуса и побежал к толпе, не в силах свести взгляда с выставленных военных повозок, поставленных с краю у конюшни. Я в первые видел их в живую. По моим жилам тут же пробежало чувство гордости и восторга. Хорошо рассмотрев и налюбовавшись повозками, я оставил парней внизу и поднялся через чёрный вход по пропуску, который дал мне руководитель. Мне сообщили что Павел Игоревич находился на четвертом этаже в пятьсот тридцать первом кабинете. Я бросился со всех ног, так как опаздывал на полчаса. Я постучался в дверь. Мне открыли. В кабинете была Жанна Витальевна. Она копалась в бумажках на столе, что — то нервно пыталась найти. Я с ней поздоровался, но она на меня даже не обратила внимания. Двое секретарей из министерства, которых можно было узнать по значкам на пиджаке. Павел Игоревич подписывал

им документы. И еще пару людей находились в кабинете. На столах был полный бардак. В кабинете царила суета и волнение. Жанна Витальевна ругалась. Секретарь в очках пытался перекричать ее. Кто — то, что — то спрашивал. Такого беспорядка я еще не видел. Я попытался добраться до Павла Игоревича, но сзади меня вошёл мужчина в военной форме. Он толкнул меня плечом и не извинившись, направился к Павлу Игоревичу.

— Тридцать пять минут прошло! — басом заявил он на весь кабинет.

Павел Игоревич поднял глаза на этого мужчину и осмотрев кабинет заметил меня в дверях.

— Вот он! Вот он! Забирай! — показал на меня ручкой Павел Игоревич и снова уткнулся в бумаги.

Военный, заметив меня в дверях тут же схватив меня за локоть и поспешно вывел из кабинета. Мы поднялись на этаж выше. Всю дорогу он оборачивался и вёл себя мрачно и сдержанно. Меня завели в пустой кабинет. Он сказал мне раздеться и пока я снимал с себя студенческую форму он держал в руках белые брюки с золотыми вставками по бокам. Я под его руководством надел белые брюки, рубашку и белый пиджак с такими же золотыми вставками. Он поправил на мне костюм и затянул пояс на пиджаке.

— Возвращайтесь к Павлу Игоревичу. Он Вам даст инструкцию что дальше нужно делать, — монотонно, без лишних эмоций отчеканил он мне. Бросив мою студенческую

форму словно мусор в чёрный пакет.

Я вернулся обратно на четвертый этаж в кабинет, все время поправляя на себе костюм. Брюки были немного великоваты и сползали на бедра. Я остановился в коридоре оглянувшись, подлез под пиджак и затянул потуже ремень. Что задумал Павел Игоревич? Хочет, чтобы я от лица нашего университета произнёс речь? Хочет, чтобы все заметили на сколько я расстроен тем, что не попал в отряд. Хочет выставить меня перед генералом на смех? Уж кому, но не мне после неловких событий произносить речь. Что подумает обо мне генерал? Я вошёл в кабинет, но там уже никого не было. Я запаниковал. Куда все делись? Я прошёл обратно до лестницы и глянул вниз. Холл был абсолютно пуст. Мертвецкая тишина. Нервная дрожь ощутилась во мне. Где искать руководителя? Внизу в толпе мне его никогда не найти. Вдруг он возложил на меня что — то серьёзное? Своим опозданием я мог подвести его. Я будто чувствовал это. Я бросился вниз по лестнице, как только завидел на втором этаже Жанну Витальевну.

— Жанна Витальевна, Жанна Витальевна, Вы знаете где Павел Игоревич? Он был с Вами в кабинете. Сейчас его там нет.

Она обернулась и восторженно окинула меня взглядом с ног до головы.

— Ох, Анатолий, ты чудо, — дотронулась она до моего локтя, — беги вниз быстрее. Он уже там ждёт тебя. Быстрее, а

то опоздаешь. Он ругается уже. Внизу слева у входа. Через полчаса начинаем.

Я сам не понимая ничего, сорвался с места со всех ног. Если Павел Игоревич начал ругаться, дело пахло жареным. Меня это пугало. Я выскочил на улицу. Солнце не жалело своих обжигающих лучей, ярким золотым светом залила всю площадь. Я, прикрывая ладонью глаза спустился по ступенькам в толпу, попытался найти среди людей руководителя. Не сразу, но постепенно все больше людей стали на меня обращать внимания. Я прижался к стене. Ребёнок из толпы тыкнул в меня пальцем, что — то закричал своим родителям. Все, кто стояли по близости все смотрели только на меня словно на экспонат и в их глазах я читал такой же восторг, как и в глазах Жанны Витальевны. Меня это жутко смущало и даже где — то злило. К такому всеобщему вниманию я не был привыкшим. Я отдёрнул белый пиджак. Павла Игоревича у входа я не нашел. Я выглянул из толпы и увидел построенный отряд. Доспехи и щиты блестели на солнце ослепляя глаза. Отряд стоял ровно, как будто вымеряли линейкой, словно на картинке. И уходил далеко вперёд к воротам. Я замер от такой красоты открыв рот. Внезапно меня кто — то дернул за рукав. Я обернулся. Это был Ник.

— Идём Павел Игоревич ругается, он не может тебя найти. Он вон там.

У меня было много вопросов. Но как только я увидел Павла Игоревича они все испарились в моей голове. Он был раз-

дражён и зол, то ли на меня, то ли ещё на кого — то или на что — то, я так и не смог понять. Он все разговаривал с теми секретарями, размахивая руками. Когда мы подошли с Ником, его лицо переменялось.

— Ты готов? — крикнул он мне, так как из — за того, что все разговаривали было шумно и ничего не слышно.

Люди вокруг нас немного расступились, все также оглядываясь и осматривая меня.

— Да, — крикнул я в ответ замотав головой находясь по — прежнему в неведении, — что мне делать нужно?

— Твоё место в третьем ряду сразу за командирами и офицерами, — не расслышав меня продолжил Павел Игоревич, — ты хорошо все понял из книги, которую я тебе дал?

Я смотрел на руководителя не моргая. Вокруг нас люди суеились, шумели, толкали то меня, то Ника. Какие офицеры? О чем это он? Или я ослышался. Я уставился на руководителя пытаюсь по губам понять, о чем он мне хочет сказать и что по итогу от меня требуется. Я точно услышал слово офицеры. Я махнул головой и по моему растерянному виду руководитель понял, что я ничего не разобрал. Он было хотел наклониться к моему уху, как стоящий рядом Ник резко схватил меня за плечи и смотря мне прямо в глаза закричал что есть мочи.

— Ты в отряде! Тебя взяли!

Я оторопел. Почувствовав жар, охвативший меня всего под белой рубашкой. Дыхание спёрло.

— Кто сказал?

— Я сказал! — Павел Игоревич схватил меня за руку и повернул к себе, — ты принят в отряд. Слышишь меня? — я в растерянности кивнул головой. Руководитель наклонился к моему уху, — на днях генерал окончательно принял решение и подписал твою кандидатуру на должность сержанта, с пометкой что ты будешь полноценно заниматься и решать все вопросы, касающиеся этой должности. Тот материал, который я тебе давал, ты хорошо изучил? — и тут я вспомнил про ту книгу, со странными рисунками и расчётами, которую мне давал Павел Игоревич. Я открыл рот, и руководитель наверно все понял. На его лице тут же изобразилось негодование.

— Ты не изучал её? — он положил мне руку на плечо и потряхнул меня, так как я отстранился, пытаясь в ужасе вспомнить не потерял ли я её совсем, — говори честно!

— Она в комнате у меня, — сглотнув пропищал я бледнея.

Внезапно в громкоговоритель стали объявлять, что до начала похода осталось двадцать минут. По голосу я узнал Жанну Витальевну. Шум затих. Толкотни стало по меньше. Народ стал двигаться ближе к площади, внимательно следя за происходящим там. Она объявила об официальном открытии похода и стала перечислять имена солдат.

— Ник беги на третий этаж, возьми эти документы скажи, что я сказал донести до кабинета. У окна стол, в нем в третьем ящике тетрадь, срочно принеси её!

Ник моментально выхватил папку и кинулся к зданию. Павел Игоревич схватил меня за руку, и мы направились в сторону пропихиваясь через толпу. Мы зашли за здание Министерства и спустились в помещение с длинным коридором, оказавшимся служебной конюшней. Павел Игоревич шёл, быстро резко размахивая правой рукой, левая у него всегда висела не подвижно вдоль тела и никак не участвовала в ходьбе.

— Как же ты так?! Ты совершенно её не открывал? — возмущался руководитель.

— Павел Игоревич не может быть!

Он обернулся.

— Вы ничего не перепутали? Генерал утвердил именно меня в этот отряд?

— Да. Все так! На должность сержанта. Если бы ты ещё сделал то, о чем я тебя просил и изучил книгу, то хлопот было бы меньше, — кричал руководитель, — я понятия теперь не имею как ты будешь выполнять свои обязанности, ты не черта не знаешь! Генерал не из тех, кто будет в походе терпеть недоучек, — ругался он, — я поручился перед ним за тебя, что ты все будешь знать! Прилагай все усилия, чтобы тебя не раскусили и не поняли, что ты вообще в своей должности ничего не смыслишь. Если Ник успеет принести тетрадь с моими старыми записями, то тебе упростится задача. В этой тетраде есть все то, что ты должен знать, чтобы выполнять свой функционал. Там есть все то, что тебе тре-

буется для начала, чтобы не наделать глупых ошибок и не выбиваться из общих правил. Генерал в любой момент может потребовать проверить тебя на подготовку. Либо лично удостовериться в тебе как в подготовленном сержанте.

— Сержанте? Он ведь знает, что я обычный студент. Меня бы ни за что не утвердили на эту должность.

— Он знает. Другие не должны знать. Я все это время был занят переоформлением твоих документов. Генерал поспособствовал мне в этом немного. Тебе двадцать один год. Ты сержант учебного корпуса, который находится в нашем городе на улице Маршала Б. Перешёл в звание в начале года. Все подготовленные документы на тебя генерал передал в штаб. Поэтому ты не студент, а сержант. Как ты это будешь доказывать в походе Бог теперь знает!

Сложно сказать, что я ощутил. Мгновенное всепоглощающее волнующее чувство, нарастающее во мне, переросло в тревогу и страх.

— Я не стал бы так отчаянно радоваться зачислению. На бумагах ты сержант, но, по сути, ни знаний, ни подготовки необходимых для этой должности у тебя нет. Если бы ты хоть немного подготовился было бы другое дело. Но без знаний идти туда ..., — Павел Игоревич остановился покачал головой умоляюще взглянув на меня, — пока есть дорога назад, откажись от этой затеи.

Снова то чувство словно вот — вот, и я вновь упущу свою удачу.

— Павел Игоревич я справлюсь! Я читал и изучал военные книги все это время. Я развит и физически, и умственно. Вы же знаете! Не уж то вы думаете я не изучу какую — то тетрадь? Да я за неделю с ней справлюсь! Я обещаю.

Я хотел было упасть на колени перед руководителем, но он во время меня подхватил под руку, пробубнив недовольно про мою белую форму. Павла Игоревича ничуть не переубедило мое упорство.

— Уж не знаю во что мне это выльется. Сомневаюсь я в том, что сделал. Ох, как сомневаюсь. Но ты должен сам понимать, что я за тебя отвечаю перед штабом. Поэтому раз сам изъявил желание, то будь добр тогда выкладываться в походе как сержант с подготовкой и крутится как уж на сковороде, не давая другим заподозрить не ладное. По сути штабу нет особого дела кого заключают в учебный поход, если это только не военная компания. Но если тебя разоблачат и донесут и тебе и мне грозит подсудное дело.

У меня внутри тряслись поджилки и трепетало все нутро. Будь другая ситуация, я бы отказался от такой скользкой затеи, но речь шла о походе. О моей будущей военной карьере. Чего мне бояться, если генерал все сам знает, и он на моей стороне. Чувства затмили разум, а самонадеянность граничила с безумством. Подумаешь тетрадь изучить, успокаивал я сам себя. У меня впереди великое будущее! Я чувствовал, я знал мне судьбой было предрешиено стать великим адъютантом генерала.

— Идём, идём. Нет времени.

Мы с Павлом Игоревичем поспешно прошли по длинному коридору конюшни с маленькими окошками. Я увидел, как из одного из загонів вывели бурого коня с вытянутой чёрной мордой и такой же чёрной гривой.

— Здравия желаю. Тринадцатый номер четвёртой части готов к выезду.

— Это твой служебный конь, — передал мне поводья Павел Игоревич, — выводи. Нет времени!

Это был высокий конь с умеренным характером. Молодой. Так нам его описал конюх. Он рассказал нам пару историй, в которых Гага проявлял себя очень умно и послушно, так как проходил дрессировку у самого опытного дрессировщика. Я вместе с конюхом, держась за поводья, повели его из конюшни. И в самом деле конь был спокоен и не подавал признаков страха, при мне незнакомом человеке. Его шерсть тут же под лучами солнца, пробивающимися через мутное окно, заблестела пепельным отливом. Морда, ушки, ноги выделялись ровным белым окрасом. На нем красовалось новое седло, по бокам с выбитым рисунком номера пятьдесят седьмой части. Я хотел было приблизиться к нему и погладить, как он угрожающе фыркнул на меня.

— Не бойтесь. Вам нужно познакомиться. Нужно немного времени выделить, чтобы все прошло хорошо.

Павел Игоревич недовольно кивнул. Конюх достал из — за пазухи не больше яблоко и протянул его мне. Конь тут же

навострил уши и приблизился ко мне в надежде, что я с ним поделюсь.

— Протяни ему, и он тебя примет за своего.

Я протянул коню яблоко и тот аккуратно выхватил его из моих рук. Я прижался ладонью к его горячей морде и он, прожевав лакомство недолго обнюхивал меня.

— Кони как псы, если им подойдёт хозяин они привяжутся. Можешь его сам вывести из конюшни.

Я, держа крепко поводья направился к выходу. Он покорно шёл рядом со мной тыкаясь мордой в мои волосы. Я старался держаться немного на расстоянии.

Мы вышли на противоположную сторону от выстроенного отряда. Возле конюшни находился не большой загон, скрытый от глаз народа, где обычно тренировались наездники. Конюх погладил коня, пожелал нам удачи и направился в небольшой домик возле загона.

Я беспокоился уже не только за свою участь, но и за то, не скинет ли конь меня.

— Будет ли он меня слушаться?

— Это социализированный конь, обученный специально для военных действий, поэтому не переживай.

Я погладил коня. Он был спокоен и никакого волнения от него не исходило.

Мы встали под тенью зелёного дома, скрывшись от солнца. Рубашка под пиджаком на мне взмокла то ли от палящего солнца, то ли от волнения. Мне было жарко. Спасали

лишь редкие дуновения ветерка. Павел Игоревич тоже периодически доставал белый платок из пиджака и вытирал им намокший лоб и лицо. Его взгляд торопливо окидывал отряд, проглядывающийся между щелью низкого забора. Я не в силах был стоять. Ещё тяжёлый головной убор давил мне на голову. Я слегка его сдвинул со лба на затылок, поправив под ним мокрые волосы. Не отпуская повод, я опустился на деревянные ступеньки перед домом и не спускал глаз с коня.

— Аккуратно, не испачкай форму, — грозно проговорил Павел Игоревич, взглянув на меня.

Конь наклонил голову ко мне обнюхивая меня. Он следил за каждым моим движением, не спуская с меня чёрных глаз. Видимо он чувствовал моё колеблющееся настроение. Оно сменялось от безумного волнения с дрожью в ногах, до ликования оттого, что на мне сержантская форма. Я любовался золотой полоской на рукавах и своими эполетами с тремя звёздочками и не верил, что судьба так резко переменилась ко мне. Видимо было так предначертано, иначе другого объяснения у меня не было. Я должен был пережить то, что случилось в штабе. Пройти через все эти трудности и сомнения. Закалиться в своём решении быть военным и вот тут судьба поняла, что я есть тот, кто должен стать избранным. Могла ли она раньше об этом знать? Разве судьба не видит все наперед? Видимо не все так просто и во вселенной. Нужно смелостью, решимостью, отвагой добиваться своего и доказывать судьбе, что я вправе занять это место.

До нас доносился монотонный голос Жанны Витальевны. Она по — прежнему объявляла имена солдат. Я прислушался к её голосу, чтобы хоть немного успокоить колотящееся сердце и возможно кого — то узнать из знакомых мне с кадетского корпуса.

— В этом отряде есть ребята взятые из кадетского корпуса?

— Нет. Никого.

— Но ..., как же... В списке было много ребят, — опешил я.

— Их всех отменили, — ответил Павел Игоревич, не обернувшись ко мне, — отменили и наших студентов. На носу День Города. Часть будет участвовать в показе, другая часть стоять на патруле. Вместо них набрали кадетов и солдат из Стоквы. Там оказалось более подготовленные ребята под поход и готовые солдаты. Как раз им эта учебная вылазка как никому важнее. Ребятам повезло. Поэтому тебя никто не узнает в походе.

А ведь я даже и не задумался об этом. Что ж получается я в походе никого не буду знать. С ребятами из кадетского корпуса я бы смог договориться через Вальтера. Он бы меня подстраховал. Но теперь оказывается даже его не будет. Меня это озадачило. Но как же так, все кто готовился оказались не удел, и я, который думал, что все потеряно, сейчас здесь, в качестве сержанта. В этой белоснежной форме. Я задрал голову и уставился в прозрачно голубое небо. Я ощущал вели-

кую поддержку Высших сил. Это они устроили все так, как должно быть. Теперь я ничуть не сомневался в том, что роль адъютанта генерала предначертана мне. В этом походе я покажу генералу чего я стою и на что способен. Единственное книга все никак не давала мне покоя. Как я мог так небрежно отнестись. Я ведь обратил внимание что это была книга по военной части, но как не догадался. Я елозил, всматриваясь на ту сторону отряда и на выход из конюшни. Ника не было. Лишь бы он успел принести тетрадь.

Позади нас слышалось цоканье копыт. Мы с Павлом Игоревичем обернулись. Я привстал со ступеньки выглядывая из — за коня. Верхов на сером коне прямо из конюшни сначала показался один офицер в белой форме с золотыми эполетами и блестящими звёздами на груди, затем на буром более массивном коне показался второй офицер в такой же белой форме, но без знаков награждения. Офицеры остановились по другую сторону загона напротив нас. Они ловко спрыгнули с коней и заметив руководителя и меня молча приставили руку к виску.

Павел Игоревич шепнул мне чтобы я приставил ладонь к виску в ответ и поздоровался.

— Ох, Анатолий. Что же мы затеяли с тобой, — в полном расстройстве и беспокойстве покачал головой руководитель.

Я сделал как меня просил Павел Игоревич.

— Всегда здоровайся, приставив ладонь к виску. Если идёт старший по званию, вытягивайся в струнку и не опус-

кай ладонь до тех пор, пока не пройдёт.

— Я понял, — шепнул я, потеряв всякую уверенность.

Я с негодованием и любопытством выглядывал из — за лошади устремив взгляд на прибывших офицеров. На их головах красовались кивера отделанные такими же блестящими, сверкающими на солнце золотыми эмблемами, спереди над козырьком прикрывающий глаза. На них была такая же форма, как и на мне. За исключением некоторых различий в деталях. Они, спрыгнув с коней поглядывали на толпу и выстроенных солдат на площади, переговариваясь между собой и будто бы больше не замечая нас. Мы с руководителем были примерно в двадцати шагах от них. Я сконфузился, и моя неуверенность возросла. В каждом их движении чувствовался стальной дух военной выдержки и подготовки. Отчуждённые движения. Военная осанка. Все так как нарисовано было в книжках. До этого момента я не видел в живую офицеров. И сейчас наблюдая за ними я испытывал восторг и страх. Их какое — то театральное чувство превосходства над всеми нами. Что одновременно меня поражало и колебало мои потаённые струны души, вызывая во мне неприязненные чувства ко всему тому, что слишком выделялось. Я, будучи лучшим студентом в университете и одним из первых на своеобразных олимпиадах среди городов не позволял себе кичиться этим. Придерживаясь правила золотой середины. Но даже видя в них некое позёрство, я почувствовал себя подделкой. Уверенность что мой обман быстро вскроется,

не вызывало у меня сомнений. Я совсем отличался от них. Во мне не было этой театральной надменности. И чему бы я всей душой не хотел учиться. Оставаясь в своих взглядах оставаться скромным и не заметным, дабы не привлекать к себе всеобщее внимание. Ком подступал к горлу. Мне стоило держаться от них подальше. Вместо того чтобы выпрямиться и выглядеть мужественным и уверенным в себе, я ещё больше сник. Я корил себя за свою безответственность. Я мог бы внушить им чувство уважения не ровной выправкой, а своим интеллектом и знаниями. Они бы спросили меня почему у меня нет такой выправки, а я бы ответил, что ум важнее и закидал бы их умными стратегическими подходами к делу, которые бы вычитал из книги. Но теперь я даже этим не смогу оперировать. При одной мысли, что я окажусь с генералом и с ними двумя в одном кабинете вводило меня в страх. Любая офицерская задача сейчас меня загонит в тупик. И позорится перед этими двумя тупоголовыми позёрами с выпяченной грудью и манерными движениями, я был не намерен. Что стоило только их резкий кивок головы в сторону Павла Игоревича. Я трезво отдавал себе отчёт что обманывать в таких серьёзных вопросах и строить из себя знающего сержанта перед генералом у меня долго не получиться. Я взглянул на Павла Игоревича.

— Где же Ник, Павел Игоревич? — отчаянным и дрожащим голосом проговорил я.

Павел Игоревич стоял с опущенной головой и сжатыми за

спиной руками. Его лицо выражало глубокую задумчивость. Как только я к нему обратился он слегка вздрогнул. Он ничего не ответил, лишь покачал головой устремив взгляд на отряд.

Жанна Витальевна закончила перечислять имена солдат. Раздался барабанный стук, заиграл оркестр. Моё нутро всколыхнулось и волнуясь встрепелулось. Она адресовала солдатам пожелание от всего нашего города, перечислила звание командиров, желающих солдатам лёгкого пути, и прочитала красивое пожелание уходящим в поход солдатам. Офицеры стали готовиться. Похоже приближался их выход. Один из них перекинул повод, другой стал поправлять седло, проверяя закрепленные петли. Павел Игоревич внезапно сорвался с места и как — то странно осунувшись и втянув шею в плечи направился к офицерам. Один из них находившийся подле серого коня заметив его выпрямился и приставил ладонь к виску, замер. Второй более крупный офицер, увидев руководителя сделал тоже самое. Мне слышался не естественный, натянутый смех руководителя. Так он обычно делал, когда пытался положительно настроить по отношению к себе какого — либо человека. Я почти не дыша, с большим недоумением выглянул из — за коня, делая вид, что тоже поправляю сноровку на коне. Павел Игоревич ничего особенного им не говорил. Пожелал, чтобы офицеры удачно вернулись с похода и ещё что — то там. Я в душе бунтовал, зачем руководитель спустился до уровня этих офицеров. Их

горделивая манера и взгляд полный самомнения сам за себя говорил. Взять хотя бы этого с двумя медалями. Гордо вытянулся, выпячивая грудь и надменно смотрел на руководителя из — под козырька. На пожелания Павла Игоревича он лишь сухо кивнул головой, словно не имел нужды в благосклонности моего руководителя. Знал бы он кто такой Павел Игоревич, каким уважением он пользуется у высших чинов, то вёл бы себя по — другому. В один миг моя неприязнь к ним возросла. Павел Игоревич не отходил от них, словно заискивал перед ними. Он что — то спросил у них и те одновременно так же безэмоционально кивнули головой. Затем он что — то говорил и не поворачиваясь ко мне указал на меня рукой. Офицеры посмотрели на меня. Я отвёл взгляд, попытавшись скрыться за конем. Мне стало стыдно. Для чего руководитель заискивает перед ними? Разве не замечал их надменности и высокомерия. До меня снова донёсся не естественный смех Павла Игоревича. Он раскланялся, поблагодарил их и повернувшись к ним спиной направился ко мне. Павел Игоревич не мог видеть, а я заметил, как офицеры наигранно небрежно перекинулись между собой пару фразами и продолжили подготовку.

Павел Игоревич вернулся ко мне все также натянуто улыбаясь после их разговора. От всей его сущности веяло не естественной весёлостью и даже в движениях читалась не ловкость. Grimаса на его лице будто застыла. Щеки горели розовым румянцем. Во всем его теле чувствовалось что —

то нервное. Он поправлял свой пиджак, отдёргивая его за концы и поправлял манжеты рукавов. Хотя пиджак на нем сидел идеально и не был новым. Я заметил, что его пальцы дрожали. До этого момента я ни разу в нем такого не замечал. И как только состроенная гримаса сошла, его лицо словно посерело и на нем отпечаталось что — то болезненное и мученическое. Мне было грустно оттого, что руководителю приходится идти на такие жертвы. Пересиливать себя. Кланяться таким высокомерным людям. Я не хотел, чтобы руководитель так переживал за меня. Я пообещаю ему что выберусь из любой ситуации и пройду этот поход с достоинством и честью.

— Павел Игоревич что вы им сказали? — слегка дёрнул я за рукав руководителя, так как он был погружен в свои мысли.

— Ничего, — поспешил ответить руководитель.

— Не переживайте. У меня все получится, — проговорил я в полголоса, заглядывая ему в глаза.

Павел Игоревич мне ничего не ответил и видимо даже не слушал что я ему сказал. Он устремил свой взгляд на отряд и нервно дёргал коленом. Я заметил, как грудь его приподнялась, а затем медленно опустилась. Мне было больно смотреть на его переживания.

Жанна Витальевна закончила пожелание солдатам. Музыка по одному взмаху палочкой дирижёра оборвалась. Наступила тишина. Офицеры запрыгнули на коней. Я заволновал-

ся. Мои колени, вновь как никогда, затряслись. В тот момент, когда прозвучит моя фамилия, я должен буду присоединиться к отряду став на своё место, так объяснил мне мой руководитель. Я забрался на коня. От дрожи в ногах я не сразу попал в стремя. Руководитель помог вдеть мою стопу.

— Удобно сидишь?

Я, подобрав поводья дрожащими руками, кивнул головой. Павел Игоревич подвёл коня к краю здания. Седло под до мной раскачивалось в стороны от каждого шага, что было не привычно и вызывало опасения.

— По обе стороны от тебя будут стоять офицеры. Если у тебя возникнет проблема с конем, так как не ты, не он тебя, вы друг друга ещё не знаете, они смогут его удержать, — я кивнул головой пытаясь вникать в каждое слово всей своей сущностью, не давая волнению поглотить меня, — офицеры знают о том, что может возникнуть такая проблема и они будут на чеку. Я им сказал, что конь ещё не объезженный. Впереди вас будут четверо знаменосцев, затем во втором ряду военкомандующий. Будь осторожен. Не нужно от вышестоящих ждать поблажек. Генерал хороший человек, но требовательный. Держись уверенно и ни за что не соглашайся с тем, что ты чего — то не знаешь. Как ты будешь выкарабкиваться из этой ситуации я уже не знаю. Вспомни все что сам изучал. Все чему я тебя хотел научить, было в той книге. Более того, открою тебе небольшую тайну, думаю об этом ты должен быть предупрежден. Брат военкомандующего

очень хотел пропихнуть на твоё место своего сына. Ему это не удалось. Его сын находится среди солдат и если узнают, что ты ничего не смыслишь в своих обязанностях, то подмена произойдёт быстро. Тебя расформируют в солдаты, а того парня поставят на твоё место. Такой уж уговор. Если попадёшь в неприятную, скользкую ситуацию ссылайся на то, что первый раз находишься в походе. Поэтому не нервничай и держись твердо, если вдруг военкомандующий вздумает тебя изводить. Не жди к себе с его стороны хорошего отношения. Этот человек не глуп и хитрости в нем как в трёх лисицах. Ни с кем не вступай в конфликт, но и имей характер. Офицеры тебе в помощь. К ним можешь обратиться, лишь по некоторым вопросам. Выполняй все то, что от тебя требуется. Генерал умный человек, если наткнётесь на врага, он сумеет его обойти стороной. Прямо в бой без надобности не пойдёт, но ты за свою жизнь носи сам ответственность. Ни к кому ее не вверяй. Наберешься опыта, вот тогда будешь отвечать и за жизни других людей. Пока первое время заботься о себе. Будет не легко. Меня уже рядом не будет и единственный кто тебя сможет защитить это — ты сам! Выполняй все что, тебе поручает генерал, либо военкомандующий.

Речь Павла Игоревича прервал долгий гулкий звон трубы. — Началось, — прошептал Павел Игоревич.

Моё сердце застучало. Лоб взмок. Я сжал в руках поводья. Я кинул взгляд в сторону на офицеров. Они уже стояли у ворот, приготовившись. На сером коне офицер перекрестился

и спокойно дожидался своего часа.

— Где же Ник, — проговорил я, обернувшись назад, хриплым от волнения голосом, — что же так долго, — переживал я, что он может не успеть.

— Анатолий, сразу за офицерами объявят тебя. Сильно не подгоняй коня. Тебе нужно будет занять место за офицерами, — Павел Игоревич снова показал мне в начало отряда, — дальше смотри на них и делай то, что они делают.

Волнение усиливалось. Офицеры стояли неподалёку от нас и совершенно не выказывали никакого беспокойства. Я попытался перенять их дух и настрой, но меня с каждой минутой ещё больше трясло. Я пытался себя успокоить, в висках пульсировала вена, и я никак не мог отвлечься.

Словно гром среди ясного неба прозвучал голос Жанны Витальевны. Имя одного из офицеров прозвучало на всю площадь и он, шлёпнув сапогами по бокам коня, выдвинулся в приветствующую толпу гордо и красиво.

— Все мальчик мой, береги себя. Никому не давай себя обижать. Ты очень одарённый парень, это все преподаватели признали. Будь уверен в себе, как ни в ком другом. Генерал ищет себе личного помощника, если покажешь себя с храброй стороны возможно в будущем сможешь претендовать на эту должность, — Павел Игоревич протянул мне руку для пожатия. Я тревожно обернулся, ища глазами Ника. Его не было. Объявили имя второго офицера. Он отдал честь Павлу Игоревичу, тот кивнул ему в ответ.

— За тобой первое время присмотрит старший офицер. Ты с дружись с ним. Он хороший человек, — нервно глядя моего коня переживал Павел Игоревич, — как доберётесь до города напиши мне письмо.

— Мне они не понравились, — поспешил ответить я, — по их лицам видно насколько велико их самомнение и высокомерие.

Мои ноги тряслись. На глазах внезапно навернулись слезы, которых я не ждал, глядя на Павла Игоревича. Что ему стоило меня сюда засунуть, только Бог знает. Я ни за что его не подведу. Он будет гордиться мной. Руководитель подвёл моего коня к самому выходу, и я уже мог видеть начало отряда и двух стоящих офицеров впереди в белых формах, с блестящими эполетами. Бешеный стук моего сердца отдавал в перепонки, пульсировал в венах на шее. Горло сдавило. Я уже слышал, как Жанна Витальевна начала объявлять мою должность и затем последовала моя фамилия. В глазах все потемнело, ноги и руки стали ватными. Как вдруг позади себя я услышал знакомый голос.

— Подождите! Вот! Подождите!!!

Мы с Павлом Игоревичем обернулись.

Нам на встречу со всех сил нёсся Ник. Он держал высоко над головой не большую коричневую кожаную сумку руководителя. Ник подлетел к нам и в прыжке сунул мне её.

— Там тетрадь! — с чувством выполненного долга крикнул он мне.

Я успел лишь схватить из рук Ника сумку, как Павел Игоревич шлёпнул моего коня и тот вылетел на ослепляющее солнце. В этот момент я потерял контроль над всем. Кивер сполз мне на глаза. Я вцепился одной рукой в гриву коня, чуть не перекувыркнувшись через голову. Другой прижал к себе сумку. Конь сам меня куда — то нес. Я с трудом поправил кивер, как он тут же снова козырьком закрыл мне глаза. Я растерялся и испугался. Руки и ноги дрожали. Я болтался в седле словно тряпичная кукла совершенно не управляя конем. Я боялся, что конь потеряет контроль и понесёт меня в толпу. Мне удалось резким движением вернуть головной убор на место. Яркие лучи солнца тут же обожгли мне лицо. Я прищурился, нащупал дрожащей рукой поводья и подтянул их к себе. Конь стремился прямо на солдат. Их встревоженные взгляды были направлены на меня. Солнце слепило мне глаза, и я совершенно ничего не видел.

— Павел Игоревич, где же моё место, — шептал я дрожащим голосом, сумев повернуть коня вдоль отряда.

Я стоял по середине площади, паниковал и злился на свою неудачу. Толпа гудела. Я задыхался и обливался потом. Солдаты одним за другим подсказывали мне, указывая рукой на начало отряда. Все внимание было обращено на меня. Я слегка тряхнул поводья и направился вдоль отряда. Чувство страха охватило меня. Каждая секунда в тот момент для меня длилась словно вечность. Глухой шум гудящей толпы проникал через кивер. Мое сердце отбивало чечётку и мне

не хватало воздуха. Будто все в этот момент смотрели только на меня. Один из офицеров, стоящих справа поймал моего коня за поводья и подтянул внутрь отряда. Мой конь тут же подался и втиснулся вперед.

— Извините, мне кивер слетел на глаза ..., — поспешил я оправдаться, обернувшись к офицерам, стоящим позади меня.

— Затянуть ремешок сильнее нужно было. Встань за нами, — ответил мне сдержанно офицер слева.

Я растерялся.

— Вы мне? — дрожа всем телом проговорил я.

— Пусть лучше стоит уж так, — ответил офицер справа, который был покрупнее.

Я был бы рад сдвинуть коня назад, но не знал как.

— Он не должен тут стоять. Я прошу Вас встань за нами, — снова настойчиво и с напором уставился на меня офицер на сером коне. Из — под козырька сверкнули серые, бездонные пронизывающие взглядом глаза.

Не успел договорить офицер как объявили имя военномандующего. Мимо нас пронёсся чёрный конь, с белыми вкраплениями вместе с всадником в зелено — красной форме со множеством медалей на груди и золотыми эполетами. Офицеры тут же вытянулись, задрав подбородок. Он встал перед знаменосцами, которые стояли в пару шагах впереди от меня. Трубы у оркестра гудели, барабаны отбивали ритм. Все создавало праздничную обстановку. Полотно перед до

мною развивалось от лёгкого дуновения ветра. Голос Жанны Витальевны рассказывал про заслуги военкомандующего и его награды.

Под солнцепёком мне становилось жарко и душно. Хотелось снять этот проклятый тяжёлый кивер. Расстегнуть воротник формы, чтобы хотя бы лёгкий ветерок продул моё тело, избавив меня от жары. Я слегка поправил ворот, отдёргнув его. Белые перчатки на руках взмокли. Сумка с тетрадьёю по — прежнему лежала у меня на седле. Я чуть наклонился, дотянулся до саквояжа на лошади, чтобы положить ее туда. Конь сделал шаг в сторону, приняв это за команду, я тут же одернул его. Он попятился назад.

— Смирно! — раздался позади меня раздраженный голос офицера с медалями.

Военкомандующий услышав возню позади себя, взглянул на нас через плечо, а затем резко обернулся. В его взгляде читалось недоумение, направленное на офицера слева. Тот приставил ладонь к виску и резко кивнул головой. Я поспешил сделать то же самое. Военкомандующий сдвинул брови переводя взгляд то на меня, то на офицеров. Я, жмурясь невольно подтянулся. Меня впечатляло количество медалей на его груди. К сожалению, я прослушал все те перечисленные заслуги, объявленные Жанной Витальевной, но не было сомнений, что это был великий человек с большой буквы, как и генерал. И мне хотелось, чтобы он отметил меня и увидел во мне молодецкую доблесть.

Мне показалось что военнкомандующий был чем — то не доволен, так как он дёрнул головой и поджал губу, что на его лице явно выдавало признак недовольства и озадаченности. Я обернулся, взглянув на офицера. Не ему ли был послан не доброжелательный взгляд. Тот сразу поймал мой взгляд.

— Не крутитесь, — сквозь зубы прошипел он, опустив руку, как только военнкомандующий впереди вернулся в своё положение.

Голос Жанны Витальевны замолк. Раздался проигрыш оркестра и резко оборвался. Наступила минутная тишина. Только толпа по — прежнему гудела. Мне вдруг стало не комфортно, будто бы я очутился не в своей тарелке. Видимо с офицерами мне не сдружиться. Я обернулся на загон, откуда меня провожал Павел Игоревич, но там никого уже не было. Ворота были пусты.

Солнце по — прежнему слепило мне глаза. Я не мог подвинуться ни вправо, ни влево, чтобы хоть немного укрыться за полотном знамени. Грубый голос позади стоящего офицера тут же меня осекал. Я опустил голову, так как глаза стали безумно слезиться. Странное чувство во мне вдруг проявилось. «Зачем я здесь?» — пытался дозваться до меня внутренний голос, который я нарочито заглушал своим упрямством. Ссылаясь на проявления слабости своего характера. Я зажмурился, вытер слезы, выступившие от солнца. Я попытался найти хоть кого — то из знакомых среди толпы. Ника,

Павла Игоревича, Мелкого, но перед глазами плавали бледные расплзающиеся пятна. Толпа, стоящая в тени, казалась мне одним тёмным пятном.

Мне казалось, что ещё немного и я сорву с себя головной убор и скину парадный китель. Но вдруг то ли солнце скрылось за облаками, то ли чья — то тень укрыла меня. Жгучие лучи солнца больше не слепили меня и не жгли мне лицо. Я удивлено открыл глаза и посмотрел вперёд, чей — то появившийся силуэт, впереди военкомандующего, со знаменем, на котором вырисовывался золотой орёл, загородил меня от солнца.

Голос Жанны Витальевны гремел над площадью, раздаваясь эхом по округе. Она рассказывала про чьи — то победы. И я не мог внимательно слушать. Все моё существо было обеспокоенно тем, как бы не свалиться с коня в обморок. Постепенно впереди вырисовывалась картинка силуэта. Что — то в моем сердце ёкнуло от предположения кому мог принадлежать этот статный силуэт. Уж больно он был похож У меня перехватило дыхание. Холодный пот выступил на спине. Я в полном ужасе уставился на впереди появившегося человека в золотых наплечниках, сверкающих под лучами солнца. Его фигуру я бы не забыл никогда.

Глава 2. В отряде

Прошло две недели с момента начала похода, а генерала я мог видеть только на расстоянии, а то и вовсе не видеть. Не говоря уже о каком — то личном присутствии рядом с ним. Чаще всего мне приходилось вместе с офицерами находиться, где — то в середине, либо в конце отряда. Помогать с повозками. Вытаскивать их из грязи, когда они застревали, либо следить, чтобы этого не произошло. Поэтому хоть меня даже и взяли в сержанты, все же чувствовал я себя обычным солдатом. Но меня это ничуть не расстраивало. Мне все время казалось, что генерал неустанно наблюдает за мной, и чтобы хоть как — то показать свою прыть и загладить своё первое впечатление о себе, я старался проявляться таким образом. Ведь так я смогу добиться расположения генерала и заслужить возможно должность помощника к концу похода, а потом и адъютанта. Это меня вдохновляло и двигало мной, с того момента, когда мне об этом сообщил Павел Игоревич.

С другой стороны, я был бы рад, если бы у меня было хоть какое — то время на подготовку и изучение материала, который мне передал руководитель. И старался первое время не попадаться генералу на глаза и никак не обращать на себя внимание. И поэтому я под любым предлогом избегал встреч с ним в лагере и находился среди солдат. Закатав рукава, наравне с ними трудился.

Сегодня вечером один из офицеров, находящийся в конце строя, не доглядел, и телега засела очень глубоко в яме, и мы потратили полчаса, а то и больше на это дело. Время близились к ночи. Главнокомандующим было принято решение разбить лагерь в ближайшем подходящем месте, так как солдаты были вымотаны. На протяжении целого дня мы шли с минимальными остановками, ещё и тратили силы на физические работы. И вот мы раскинулись на небольшой лужайке среди леса. Палатка главнокомандующих находилась ближе к середине центра лагеря. Мы же с офицерами ближе к краю, но не так далеко от них, как хотелось бы. Генерал за все это время не давал мне никаких поручений и даже ни разу не вызвал меня к себе. Может это было связано с тем, что произошло в штабе, когда я попросил Павла Игоревича помочь мне попасть в отряд. Может быть, генерал сам все понимает и оттягивает встречу, давая мне время на подготовку. Либо он вполне удовлетворён тем, что я нахожусь среди солдат и не путаюсь у офицеров под ногами. Всё — таки у него есть офицеры, которые опытнее меня в любых вопросах. Я много думал и думаю на эту тему и даже волнуюсь. Он мог бы просто отказаться от меня и больше не рассматривать мою кандидатуру, но я так или иначе был зачислен. Ещё и в качестве сержанта в отряд. Чтобы я не думал. Как бы себя не накручивал. Я все равно приходил к одному и тому же ответу. Что у него была причина взять меня в отряд.

С офицерами я не делился своими переживаниями. И

держался от них отстранённо. Завести с кем — то дружбу из солдат тоже мне не удавалось. Мне казалось, моё невидимое клеймо на лбу «горделивого всезнайки» видели все, и я зря питал иллюзии, что здесь я смогу заслужить одобрение.

Ещё хуже была неизвестность. Офицеры выполняли свои обязанности. В лагере в установленной палатке я оставался один. Они вдвоём уходили расставлять патруль, и я это время тратил на изучение тетради и на свои раздумья. В такие вечера мне становилось безумно грустно, и я чувствовал себя бесполезным. Мне было не по себе и перед офицерами. Было бы хорошо если бы генерал сразу указал мне на моё место, и я согласился бы с любым положением в отряде. Но он словно забыл о моем существовании, а я тщетно питал иллюзии и ждал, что в один день он позовёт меня к себе и даст мне личное поручение.

На все доклады офицеры ходили без меня. В первый же день похода военкомандующий отстранил меня. Сказав, что я бесполезен в этом деле. А офицеры не возразили. Меня это сильно обидело и мне даже не с кем было это обсудить. Перед офицерами я делал вид, что меня это совершенно не заботит, будто так и должно было быть. Но в душе, каждый раз я испытывал тревогу и не знал поступал ли я правильно. Думаю, если бы был здесь руководитель он бы вселил в меня уверенность и объяснил мне ситуацию.

В один из вечеров на привале, когда офицеры собирались на патруль, я набрался смелости и попросил взять меня. Так

как ситуация с моим нахождением в лагере меня совсем не устраивала и нагоняла на меня мрачные мысли. В этот раз по поручению военкомандующего нам было приказано расставить патрульных вокруг лагеря. Старший офицер, не ожидая от меня такой внезапной инициативы немного подумав, согласился и приставил меня к офицеру.

Во время таких поручений, видимо, случались казусы, либо мне так не повезло в свой первый вечер расстановки патруля. Оказаться один на один в такой ситуации я бы не хотел. Для меня было большим открытием и удивлением узнать, что некоторые солдаты не всегда и не все выполняли приказы. Начитавшись военных книг, я представлял солдата верным слову командира и безропотным. Готовым пойти в самые горячие бои. Который пойдёт в огонь и воду, но в этот вечер внутренняя военная жизнь для меня открылась с новой стороны.

При выборе патрульных один из солдат стал нарываться на одного из офицеров, с которым я пошёл объявлять патрульных. Я остался в стороне и честно сказать, растерявшись и испугавшись, мог только наблюдать за стычкой.

Солдатом был мужчина на вид лет тридцати. Он был крупным, агрессивным, нарывался и обзывал офицера крысой командира. Чтобы он сам и шёл в свой патруль, так как он устал с дороги и хочет спать. Я хотел было влезть и сказать, что это приказ военкомандующего и что никто не вправе проявлять сопротивление, но... не решился, посчитав, что

вступись я за старшего по званию, выставил бы его слабым перед остальными солдатами, которые с любопытством наблюдали вокруг нас. К тому же щеки у меня загорелись, а руки задрожали. Слава Богу этого никто не заметил, я сунул их в карманы. Я стоял поодаль от костра. Трудно сказать, чем мог бы закончиться конфликт. Я был уверен, что до драки дело не дошло бы, так как это противоречило уставу. Но с каждой минутой обстановка только накалялась. По выражению лица офицера я понял, что он не собирался уступать. Плечи его приподнялись, а кулаки сжались. Офицер стоял на своём, а солдат противился. Оба были настроены не отступать. На конфликтующих смотрели другие солдаты, некоторые из них словно свора пакостливых собак ехидно смеялись, исподтишка наблюдая за тем, сдастся офицер или нет. Что меня изрядно оттолкнуло, и моя картина представления о солдатах резко поменялась. В конечном счете подошел старший офицер:

— Что у вас здесь?

Офицер, который держал оборону обернулся.

— Вот, не хочет в патруль идти. Говорит, что устал, — его грудь вздымалась, а зубы от ненависти скрипели.

Старший офицер, был более худощавого телосложения, чем эти двое. Он обратил внимание на солдата:

— Мы наравне с вами выполняем работу и нам тоже ночью не спать. Проверять патрули и менять вас между собой. Будь добр встать на патруль.

Я заметил, как солдаты, с появлением старшего офицера, стали отворачиваться от конфликтующих и продолжили заниматься своими делами, разжигать костры, чистить обувь, одежду. Солдат стоял как вкопанный. Похоже он перебирал в голове еще уловки, но в конечном счете сдался.

Офицеры назначили вторых патрульных для смены. И за сегодняшний вечер не возникло больше противоречий с солдатами. Я был удивлён, какое влияние старший офицер имеет на солдат.

После того как солдаты заняли пост, я с двумя офицерами распределился по всей границе патруля для проверки. Я был рад, что офицеры ни о чем не заподозрив воспринимали меня на равных. Старший офицер отдал мне приказ, ничуть не сомневаясь в его исполнении. Я приставил ладонь к виску, как научил меня Павел Игоревич и отчеканил «Так точно!». Я приободрился и был в некой эйфории получив заряженное настоящее ружье. У меня достаточно хорошо получалось быть сержантом, несмотря на некоторые проволочки в начале похода. Павел Игоревич зря переживал за меня. Такими темпами я доберусь до звания адъютанта и вот будут лица у всех студентов, увидев меня возвращающимся подле генерала в орденах. Все только и будут думать, когда же я успею добиться такой должности.

Моим большим страхом оказалось, что я не знал, как вести себя с такими солдатами, как тот агрессивно настроенный мужчина. Я не имел опыта в таком общении. И как мне

совладать с ним вдруг попадись он мне? Он был и старше и крупнее меня, разве я вправе отдавать ему приказы?

Я один направился в ту сторону, где офицеры обозначили место солдата на патруле, которого нужно было перепроверить. Я дошёл до края границ лагеря и остановился перед тёмным лесным массивом. Я стоял с минуты, наверное, вглядываясь в крошечную тьму и озираясь по сторонам, боясь, что кто — то заметит мое замешательство. Я ощущал холодок, веющий из мрака и окутывающий мои ноги. Как бы я не пытался хоть что — то разглядеть в глубине лесной чащи, так мне этого не удалось. На расстоянии вытянутой руки я с трудом мог различить силуэт дерева. Отказаться от приказа я теперь не мог. Это бы подкосило мою репутацию и меня бы солдаты подняли на смех. Особенно тот здоровяк. Сержант испугался темноты. Я, представил, как если бы генерал, наблюдал за мной издали и это вдруг вселило в меня смелость. Я сделал шаг в глубину леса. Ради него я готов был пойти на все.

Место патруля было примерно в трёх километрах от лагеря. Я шёл наугад, вцепившись в ружье и прижав его к себе. Сухие ветки, шишки хрустели у меня под ногами эхом разлетаясь по округе. До меня доносились с макушек деревьев клич ночных птиц, которые ещё больше в меня вселяли страх и опасения. Мне нужно было как можно тише приблизиться к солдату, чтобы выяснить выполняет ли он свои обязанности, а лучше всего остаться не замеченным. Такова

была моя задача, переданная старшим офицером.

Я прошёл, как мне казалось, полпути и решил остановиться и обернуться. Позади остался лагерь, который совсем скрылся за густо посаженными деревьями. Стволы деревьев полностью закрыли не большие проблески света. Неприятное отрезвляющее понимание, что здесь я один, вдруг встретило меня. Столкнись я лицом к лицу с врагом, либо с диким животным, чтобы я сделал? Не уж то я бы смог выстрелить в человека или позволил бы себя убить? Как ни странно, но жертвовать своей жизнью я не был намерен. То же самое ощущают и солдаты в боях? Из — за угрозы своей жизни они убивают, не переживая за врага? Я прижал ружье к себе поближе, снял с предохранителя и вдел палец в курок.

Я, не спеша, опасаясь и прислушиваясь к звукам, добрался до склона и направился вниз, спускаясь к могучему дереву. Ориентир был на него. Сапоги скользили по опавшей хвое, и я старался не упасть. Холод все норовил подлезть мне под штанины и под воротник кителя. Дыхание моё было тяжёлым и казалось слышное среди лесной глуши. Я спустился к низине, к дереву с широко раскинутыми ветвями. Под ним образовалась не большая лужайка, остальные деревья стояли поодаль, будто давая этому статному дереву расти в ширь. Раскидывая свои могучие ветви. Сомнений не было это было то место, про которое говорил старший офицер. По моим расчётам мне оставалось километр пройти под углом направо. Миссия почти была выполнена. И я раньше времени по-

хвалил себя.

Я шёл по лесной чаще, переступая упавшие ветви на пути. Я с самомнением решал стоило ли мне показаться патрульному и сделать ему выговор, если вдруг он недостаточно хорошо будет выполнять свои обязанности. Как я это должен был сделать и каким тоном? Я вспомнил как руководитель отчитывал лентяев за не подготовленные уроки и решил, что буду говорить как он. Или может все — таки стоило передать это на усмотрение старшему офицеру, чтобы он решил какую меру наказания выбрать. Если патрульный будет чётко выполнять свою задачу, должен ли я ему показаться и похвалить его? Все же подкрасться не замеченным было моей главной задачей. Я по — прежнему не снимая палец с курка отодвигал ружьём попадавшие мне на пути ветки пытающиеся оцарапать мне лицо. Я почти уже должен был приблизиться к патрулю. Я сделал шаг медленнее и осторожнее, благо земля была покрыта хвоей и треск от шишек под ногами почти не слышался. Приблизившись к назначенному месту, это должно было быть оно, я выискивал взглядом патрульного. Но в окрестностях было ни души. Видимо оставалось еще немного метров пройти вперед. Я сделал шаг вперёд и на ступив на лежащее скользкое дерево оступился и сам не понял, как полетел в сторону в кусты. Раздался выстрел. Я замер. Стая птиц взмыли вверх, подняв клич. Эхо от выстрела разнеслось по лесу. Я лежал некоторое время без движения ошеломлённый тем, что произошло. Мне хотелось

верить в то, что моя оплошность останется никем не замеченной. Я поспешил встать. Левая нога моя застряла между сучьев, повиснув в воздухе. Как я не пытался, я никак не мог дотянуться до неё и освободить. Я хотел было приподняться и упереться руками о землю, но под спиной я не чувствовал опоры. Я лежал на ветках, которые от каждого моего движения ещё больше под до мной прогибались, и я падал снова на спину. Я отбросил ружье в сторону, в панике пытаюсь дотянуться до ноги, но только я начинал тянуться как я снова терял опору и падал назад. Было ощущение что позади меня был скат, и я все больше заваливался туда. Оттого что у меня не получалось выбраться я все больше начинал терять здравомыслие и начинал паниковать. Я словно неваляшка тянулся и снова падал обратно.

— Мама, — прошептал я, пытаюсь в очередной раз приподняться, — кто ни будь! — закричал я в полголоса, как тут же к моему виску кто — то приставил дуло ружья.

— Не двигайся, — прозвучал грубый мужской голос.

Он, стоя над до мной зажав ружье рукой, достал спички из брюк и чиркнул. Он поднёс к моему лицу огонёк и осветил мою форму. Я успел разглядеть одежду мужчины. Это был наш солдат из патрульных. Мне стало неловко. Я надеялся на понимание этого солдата и сочувствие.

— Свои? — скорее констатировал факт, увидев на мне форму сержанта.

— Я застрял ногой между сучьев, помогите выбраться. Вы

ведь из наших солдат?

— А чего орешь на весь лес? Ты стрелял?

Он закинул ружье за спину, достал сигарету и поднёс догоравшую спичку к лицу, чтобы закурить. Вот тут я узнал его. Это был именно тот солдат, который противился приказу офицера. На секунду я обомлел, не ожидая увидеть его именно на своём патруле. Да и встреча с ним меня привела в некую растерянность.

— Я нечаянно нажал на курок, когда оступился и поскользнулся на этом суку.

— Ну так, нужно на предохранителе держать спуск, — зажав зубами сигарету возмутился он.

— Я знаю ..., — попытался я оправдаться, но замолк. Боясь сказать лишнее.

Патрульный одним резким движением освободил мою ногу из ловушки и чуть не закинул мне её за голову. Я еще больше погрузился в кусты, успев ухватиться за ветки руками. Я подтянул успевшую онеметь ногу. Кряхтя и сопя с трудом, повернулся на бок. Встал на колени и нащупав ладонью землю под кустами, использовал её в качестве опоры. Я выкарабкался из кустов.

Земля действительно там шла под скат и поворочавшись ещё немного времени здесь, ветки кустов совсем под до мной прогнулись бы, и я повис бы на одной ноге головой вниз. Я поднял своё ружье, и хромая на онемевшую ногу, направился в сторону куда ушёл патрульный.

— Стой, кто идёт! — послышалось с пригорка из — за дерева.

— Это я, — остановившись, уставился я на солдата и на направленное на меня ружье.

— Кто я?

— Сержант. Вы только что мне помогли...

Патрульный опустил ружье и в насмешливой форме повторил за мной.

— Сержант, — посмеялся он, — сержант, а вас не учили в военном учреждении или откуда вы там взялись, называть своё полное имя?

Я замялся, стоя словно двоечник перед доской с не выученным уроком.

— Вы пришли ко мне на патруль, для чего? — грозно потребовал он ответа.

Я совсем обомлел и растерялся.

— Мне сказали проверить патруль, — пропищал я, не ожидая такой неучтивости.

Повисло секундное молчание, после которого смех патрульного разразился словно гром по округе.

— Сержант идите — ка вы в лагерь обратно и попросите офицеров, чтобы они вас больше никогда не просили проверять патрули. Особенно в мои дежурства! И пусть отберут у вас ружье, вы им не умеете пользоваться.

— Я умею! — возразил я, краснея все больше и теряя самообладание.

— От кого вы предохранитель сняли? В этой части леса нет ни одного вражеского неприятеля. Даже дикие хищные животные здесь редки. Эта часть леса находится под владениями нашей военной базы. Стыдно сержант, стыдно! Неужто вы этого не знаете. Вы вообще сержант?

Моя грудь вздымалась от неуважения и возмущения. А ещё больше я был напуган тем, как этот солдат был близок к истине. Как в одну встречу сумел увидеть во мне не настоящего сержанта. Я не мог в это поверить, он не мог догадаться о том, что я и в самом деле мало чего знаю. Я не давал повода.

— Простите ..., — начал было я защищать себя, но мой голос оборвался и задрожал, — вы не правы? — проскулил я, — да и какое вы право имеете так разговаривать со старшими по званию?

— Тебя бы сначала научить на патруле стоять, а уже потом учить ходить проверять их, — снова его противный смех разнёсся по округе, — будь мы в другой части леса ты бы всех на уши поднял одной своей возней в кустах. Сержант брось это дело, уезжай восвояси и подавай в отставку! Служба — это не ваше!

Меня всего трясло, горло сдавило от возмущения. Я не в силах был что — либо ответить ему. Дрожащими пальцами в спешке поставил ружье на предохранитель.

— Перезаряди его! — заорал солдат, — чему тебя учили?! Где эти умники офицеры твои? Пусть научат тебя ружье

перезаряжать. Болваны.

Я не мог терпеть больше такого унижения направился прочь от этого места. Я перепрыгнул проклятые сучки, в которых застрял и разъярённо отбрасывал попадавшие мне на пути ветки.

— Болван заряди ружье! Куда ты побежал? Вернись, я с вами ещё не договорил! — вдогонку мне слышались его язвительные фразы и театральный смех.

Меня всего трясло, ноги подкашивались от внезапно всплывшей правды. Я был унижен каким — то солдатом. Не смог дать отпор. Какой же я слабак. Какой же я будущий адъютант? Он должен уважать меня. Что я ему сделал плохого? Не знаю как в забытьё я свернул с намеченной тропы и выскочил к озеру, попавшееся мне на пути. Подобрался к воде и закатав рукава умылся. Я зажал лицо руками, от возмущения и обиды готовый расплакаться. Я не мог идти в таком состоянии в лагерь. Офицеры будут расспрашивать, а я и не смогу ничего ответить. Мне нужно было держать в секрете своё появление в отряде. Страх, что солдат выскажет свои подозрения офицерам и те поймут кто я на самом деле, захватил меня. Как он смог узнать? От кого? Я терялся в догадках, перебирая в голове людей. Знает только генерал и военкомандующий. Генералу не было смысла разглагольствовать об этом, особенно обычному солдату. Военкомандующий мог предпринять попытку заменить меня, но разве был смысл сообщать ему об этом, кому — то. Под

странным подозрением был только военкомандующий и то я был не уверен в этом.

Я уселся в высокой траве, расстегнул китель и поспешил достать из перевесной сумки, которая была всегда со мной под формой, тетрадь с записями, которую дал мне Павел Игоревич. В конце тетради оставалось много пустых листов, и я в лагере уже начинал записывать туда, все что происходило со мной в походе. Я придумал себе это занятие, когда оставался один в палатке и не знал, чем себя занять. К тому же эта писанина помогала мне справиться с тревогой. Я позиционировал себя главным героем в этом рассказе, и это придавало мне уверенности и значимости в собственных глазах. Я осмотрелся по сторонам. Полная луна светила ярко. Я взял ручку сжав её все ещё дрожащими пальцами и сосредоточился на бумаге.

Я стоял за знаменосцами и тень генерала укрывала меня от солнца. Флаги вились в воздухе словно змеи, моментами закрывая от меня его силуэт. Я не спускал с него замороженных и восхищенных глаз, боясь лишь того, что генерал мог обернуться и заметить меня. Я не знал, как должен был поприветствовать его. И был бы он рад увидеть меня сейчас. Не счёл ли он меня назойливой мухой, которой я себя ощущал тогда.

Прогремел короткий сигнал. Я вздрогнул. Генерал в золотых доспехах слез с коня. По обе стороны ворот подбежа-

ли помощники и протянули красную ленту. Тут же на коне к воротам подскакал Министр Обороны, толстый, светловолосый мужчина. Всегда с улыбочивым и добродушным лицом. Его звали Александр Александрович Зуев. Я имел возможность через Павла Игоревича познакомиться с ним лично. На меня он производил впечатление доброго человека с наивной душой, хоть он и занимал такой серьёзный, ответственный пост. Он и генерал подошли к красной ленте. Министр обороны взял синюю подушку, на которой лежали ножницы и протянул её генералу, сделав пару шагов вперёд. Он, наклонившись, что — то сказал ему, по — прежнему улыбаясь и генерал, взяв ножницы кивнул ему головой. Я немного приподнялся на стремени и выглянул из — за плеча военномандующего, чтобы лучше видеть происходящее. Я и позабыл, в эту минуту, что сам находился в отряде. Генерал взял ножницы с подушки и подождав несколько секунд, разрезал ленту. Толпа взорвалась гулом. Пожилые женщины, крестили отряд, читая молитвы. Матеря, вытирали слезы. Да и некоторые мужчины, отцы, деды тоже еле сдерживались расчувствовавшись.

Солнце зашло за облака. Оркестр играл музыку. Было ощущение, что что — то сейчас произойдёт. Словно небесные врата должны разверзнуться и оттуда сойти ангелы. Вдруг невероятный, оглушающий скрип раздался по округе заглушая музыку. Я вздрогнул. Все внимание людей было обращено на начало отряда. Сорокаметровая часть ворот

сдвинулась с места. У меня по телу пробежали мурашки. Я с открытым ртом наблюдал за тем, как огромные ворота раздвигались, открывая все больше не вероятный вид за стенами нашего города.

Толпа затихла. Оркестр сменил музыку на гимн нашей страны.

— Отряд! — протянул генерал, — шагом марш!

Эхо легендарного голоса генерала разлетелось по площади, отчего я не мог поверить, что слышу его, что нахожусь здесь причастный к этому великому отряду. Мимо меня проскакали трое наездников в зелёной форме с атрибутами кавалерии. Я слегка шлёпнул коня по бокам ногами и тот спокойно последовал вперёд. Отряд выдвинулся.

Я испытывал эйфорию. Там впереди меня ждал бесконечный, захватывающий и невероятный мир полный приключений, воинской доблести и отваги. Орденов и медалей. Я переступил рытвину, оставшуюся от ворот в земле, и глянул наверх. Огромный трёхметровый купол взгромождался над до мнойверху. Я прошёл вслед за знаменосцами через широкие стены города и подходя к границе заканчивающейся стены сердце моё заволновалось. Солнце снова вышло из облаков и ослепило меня лучами.

Широкое поле раскинулось в низине. Там вдали бескрайней шапкой зеленела тайга, уходя далеко за горизонт. Наш город стоял на возвышенности и отсюда были видны неопишемые дали, которые скрывала высокая стена. Я себе и

представить не мог более завораживающего вида.

Отряд спускался вниз по вытоптанной дороге среди зарослей можжевельника и цветущего белыми цветками мирта. Я поймал и сорвал на лету красивый розовый цветок шиповника и вдохнул сладкий запах. Аромат этого цветка был не на что не похож. Я вытянул руку и налетевший ветер выхватил у меня его с ладоней и швырнул на землю под копыта коня.

Я все ещё не мог решиться поверить, даже на долю секунду, в то, что я избран Богом. Я тот, кто в будущем выиграет много войн и в мире навсегда возобновится мир. Все эти люди еще не знают кто рядом с ними. Будущий великий генерал. Они слепы и глупы. Знали бы они сколько побед я принесу нашей стране, то уже бы сейчас с восхищением смотрели на меня.

Мне было и страшно, и любопытно. Сердце замирало от вида вокруг. Даже воздух за стенами был другим. В свои семнадцать лет я единственный кто в этом возрасте выбрался в поход в качестве сержанта. Я уже чувствовал себя героем.

Спустившись к низине с левой стороны со мной, вдруг поравнялся офицер. Он молча схватил моего коня за поводья и притормозив меня выехал вперед.

— Не нарушай дисциплину, — серьёзно и сдержанно проговорил он.

Вслед за офицером на сером коне меня обогнал второй офицер, искоса взглянув на меня. Они сомкнули линию впе-

реди, отодвинув меня в конец военной конницы. Мне стало не по себе. Дружелюбия, которое ожидал от них руководитель, они не выказывали. Мой возвышенный настрой был изрядно подпорчен. Все же хоть ситуация для меня была не из приятнейших, я все же решил не придавать этому значения и смириться с некой грубостью и высокомерием офицеров.

Все, что я себе мог представить до этого дня не совпадало с тем, что я видел в живую. Я думал о том, что за стенами города мир ужасен. Он разрушен до пепелища и все живое мертво. Воздух здесь ядовит и опасность подстерегает на каждом шагу. Но как я был удивлён, пройдя с отрядом через золотую густую рожь, шепчущую свою музыку на ветру. Спустившись далее к низине через зеленеющее поле, где осока и разнотравье покрывало кудрявым покровом землю. Нам встречались не большие болота, в которых отображалось синее небо с плывущими медленно облаками. И здесь было настолько просторно и привольно, что даже наша деревня не сравнится со своими изумрудными полями.

Огромный, бескрайний, таинственный лес нас встретил манящим еловым запахом. Приближаясь все ближе к окраине, я чувствовал могучую силу, исходящую из глубины его. Мы переступили границу леса, когда солнце закатывалось за горизонт. Не прошло и часа как деревья окутал сумрак и чем дальше и глубже мы продвигались в лес, тем быстрее нас поглощала ночь.

Отряд шел не спеша. Я пытался подмечать все, пока су-

мрак не успел скрыть округу от посторонних глаз. Запомнить, как выглядят деревья, впервые увиденные мной здесь. Запомнить свои ощущения. Тут как раз мне и пришла идея вести научный дневник, который по возвращению из похода я покажу руководителю и похвастаюсь перед студентами. Никто им кроме меня не расскажет, что есть за стенами города бескрайние поля и завораживающая душу тайга.

Офицеры впереди меня вполголоса вели беседу, совершенно не обращая на меня никакого внимания. Ни разу за весь день они не обронили со мной ни слова. Словно и вовсе забыв про моё существование. Я с опаской и придыханием вглядывался вперёд на фигуру генерала, проглядывающуюся за знаменосцами, помощниками и офицерами. Я пытался уловить любое его движение и ожидал с минуты на минуту, что генерал обратится ко мне. Похвалит меня за то, что я прошел все испытания и скажет офицерам, что я достоин их уважения. Думаю, офицеры испытают зависть и покроются красными пятнами, какими покрываются студенты, вечно косящиеся на меня в университете. Видимо моё величие не по нраву даже им. Как только в лесу начало темнеть на всю окраину эхом разнёсся громкий баритон генерала.

— Отряд смирно! Офицерам перестроится. Старший офицер занимает главный пост начала отряда. Офицер занимает пост в конце отряда. Сержант контролирует пост середины отряда. Выполнять приказ!

Тут же офицеры развернули коней и направились назад

вдоль отряда. Я стоял не подвижно, растерявшись и не зная, что предпринять.

— Сержант чего стоите направляйтесь в середину отряда к повозке! — крикнул из темноты немного визгливый голос военномандующего.

— Хорошо, — промямлил я и боясь сильно разогнать коня слегка ударил его ногами в бока. Я не хотел повторять ситуацию на площади и надеялся, что моего позора там генерал не наблюдал. Я знал, что сейчас он следит за мной и поэтому старался не на площадать и держаться уверенно. Я подтянул повод и сумев аккуратно развернуть коня, ещё раз его подогнал. Я не знал где центр отряда и где мне стоило остановиться. Как только конь начинал набирать большую скорость я тут же его притормаживал, боясь не суметь его вовремя остановить. Я был так занят налаживанием управления конем, что не заметил мчащегося мне навстречу офицера на сером коне.

— Займи место возле повозки. Вот здесь, — указал он мне рукой, притормозив возле меня своего коня, — сейчас будет передана команда зажечь огни, нужно передать дальше в конец отряда.

— Хорошо, спасибо. Я понял, — поблагодарил я его за подробную инструкцию. Сумев ловко выпутаться из ситуации. Он покрутил возле меня коня и пришпорив его помчался обратно в начало отряда.

Видимо я поспешил со своим мнением, и офицер оказал-

ся не настолько не приятной личностью. Мне не пришлось просить объяснить, где середина отряда, он сам мне указал. Я стоял у повозки поравнявшись с всадником.

— Зажечь огни! — донёсся до меня голос военкомандующего, а потом и того офицера.

— Зажечь огни! — крикнул я.

С конца отряда послышался голос второго офицера.

— Приказ принят, — эхом разнеслось по округе.

Тут же на повозках зажглись факелы осветив отряд. Атмосфера была самой удивительной. Мне мерещилось словно я попал в удивительную историю, связанную с приключениями. Словно все это было для меня. Все, о чем я грезил сбывалось. До нас из глубины изредка доносился клич птиц заставляя малоопытных солдат вздрагивать. Мне это казалось смешным, так как я был полон задора и отваги.

Я, закрепив поводья на седле, заглянул в коричневую, кожаную сумку Павла Игоревича, которую все это время держал под седлом. Там лежала толстая тетрадь с потрепавшимися закладками и страницами. Я с любопытством пролистнул листы с графиками, чертежами и записями, вглядываясь и изучая написанное. В сумке ещё были старые наручные часы, которые все ещё ходили и показывали точное время и красивая металлическая ручка, на которой высвечивалась надпись «С важным днём!». Я закинул все обратно и смяв сумку подsunул её снова под седло.

Я погрузился в свои мысли, разглядывая окружающее.

Вглядываясь вперёд на идущий медленно отряд. Мне было интересно и не обычно все, что находилось вокруг. Я закидывал голову глядя на вверх, различая изредка еле просвечивающееся через густые кроны ветвей звёздное тёмное небо. Так мы шли по дороге, усыпанной шишками, сухими ветками. Кони успевали хватать свисающие ветки с листьями. Я ломал попавшую мне ветку и подкармливал своего коня.

К первому привалу мы стали готовиться, когда за спиной уже было пройдено достаточно пути. Мы расположились под открытым небом на широком поле, окружённое со всех сторон лесом. Была подана команда о привале. Военнокомандующий отдал приказ, и офицер на сером коне промчался мимо меня в конец отряда отдавая приказ разложить палатки и разжечь костры. Я, замерев на одном месте видел, как офицеры с конца отряда проскакали дальше по полю скрывшись среди солдат. Началась суматоха. Я слез с коня и не совсем понимал, что теперь должен делать я. Найти офицеров в этой суете было невозможно. Они словно ветер в поле разлетелись в разные стороны и сам военнокомандующий не стоял на месте, я видел его вдоль периметра после чего он спешил и затерялся в толпе. Я не на шутку растерялся. Я смотрел вслед военнокомандующему, не зная стоило ли мне его опасаться или я мог подойти и получить от него поручение. Может быть, мне стоило посетить генерала? Я, по сути, остался один с ощущением пустого места и ненужности. Я не знал, что делать. Я высматривал военнокомандующего с

полной надеждой на то, что он сейчас найдёт меня и передаст мне важный приказ. Но вскоре среди солдат я упустил и его из виду. Я остался как неприкаянный стоять, держа своего коня за поводья.

Перед до мной распростерлось широкое поле. В тёмной синеве сверкали звезды. Лёгкий ветер, как и утром слегка обдувал моё лицо под козырьком кивера. Уже совсем далеко, но ещё виднелся из — за шапки деревьев, слева флаг нашего города, сворачиваясь и расправляясь по ветру.

В поле кипела сумятица. Из дали до меня доносились голоса офицеров. Каждый был занят своим делом. Солдаты доставали из повозок палатки и устанавливали их. Неожиданно один из солдат сзади толкнул меня в плечо:

— Малец, не работаешь, так не мешай. Уйди в сторону.

Я отшатнулся и постарался побыстрее уйти с поля за повозки. Там я оказался не один, ещё несколько солдат стояли курили. Они смотрели на меня не сводя глаз, а затем один из них кивнул мне и предложил сигарету. Я отказался и схватив своего коня отошёл по дальше. Я встал в стороне под дерево и моему огорчению не было предела. Слезы наворачивались на глаза. Я не привык простаивать в стороне. Я готов был выполнить любой приказ, если бы только кто — то что — то мне сказал. Мне казалось, что никому здесь не было дело до меня. Я выискивал глазами военкомандующего, генерала, офицеров, но все будто испарились. Не уж то я простою здесь до самого утра и так про меня никто не вспомнит? Я

почувствовал себя самым несчастным, а ведь так все хорошо начиналось. Я даже представлял как эти люди идут за мной в бой и присягают мне на верность.

Один из офицеров вскоре показался среди солдат. Он остановился возле не собранной палатки и указывал рукой двум солдатам, которые видимо были из новобранцев. У них никак не получалось установить палатку. Только они устанавливали тросы, как тут же купол палатки падал. Офицер рассержено крикнул другому солдату, находящемуся по близости и тот подбежав вытянулся перед офицером на сером коне, в струнку. Я наблюдал за происходящим с большим любопытством улавливая каждое слово, доходящее до меня от офицера, и следил за любым его движением. Мое мнение об этом офицере за последние несколько часов переменялось и поэтому я с охотой бы у него поучился как правильно общаться с солдатами. Та манерность, которая мне привиделась в нем на площади в городе, теперь отсутствовала. Этот офицер не гнушался ругнуться на не опытных солдат, так что те растерявшись сами умоляли опытного солдата быстрее помочь им. Офицер, раздав приказы пнул своего красивого серого коня и двинулся дальше вдоль рядов, делать обход, наблюдая чем занимаются солдаты.

На поле мгновенно за считанные минуты после объявления остановки взгромоздились не высокие палатки солдат и разожглись костры. Проходящие мимо солдаты посматривали на меня косо, и я чувствовал себя не в своей тарелке. Как

будто я привлекал на себя всеобщее внимание своим бездействием. Я прижался к коню и поглаживал его по морде, пытаясь хоть как — то настроится на позитивный лад. Офицер на сером коне все дальше отдалялся в сторону от меня. Я смотрел ему вслед и не решался догнать его. Как вдруг меня кто — то окликнул. Я обернулся. Офицер на буром коне спешившись ожидал меня. Я тут же сорвавшись с места, приободрившись поспешил к нему. Снова жизнь заиграла красками.

— Ты делами собираешься заниматься? Через полчаса нам нужно быть на докладе, а у нас ещё солдаты не обозначены патрульными. Не роздан ужин, — грубо и без всякой дружелюбности накинулся он на меня. Я был сам удивлён насколько радостно я принял его такой тон речи.

— Что мне делать нужно? — с огромным вниманием уставился я на офицера, готовый принять и выполнить любой приказ.

Он скривил лицо, окинув меня странным взглядом.

— Пошли лошадей в загон поставим, — пробубнил он.

Я был до безумия рад, что этот офицер обратил на меня внимание и спас меня от косящихся на меня взглядов солдат. Мы направились в глубь лагеря в самый центр суеты. Офицера на сером коне мы заметили у костра. Он стоял с солдатом.

— Поставишь лошадей с правой стороны. Возьми себе в помощь кого хочешь из солдат, желательно новый набор,

чтобы помогли напоить лошадей, — обращался он к солдату.

— С водой экономно, — примкнул к разговору офицер крупного телосложения, за которым я шёл, — до реки ещё два, три дня идти военным командующий передал.

Солдат отдал честь нам.

— Так точно, — отчеканил солдат.

Оставив своего коня в загоне, я устроился у костра под открытым небом прислушиваясь к треску горящих веток. Лагерь, казалось, после всех приготовлений оживился ещё больше. Ото всюду слышались разговоры и смех. Я рассуждал об причастности меня ко всему этому и не мог поверить в свою счастливую судьбу. Мне казалось, что стоило мне закрыть глаза на миг, а потом открыть и все исчезнет. Открою глаза и снова увижу надоевшие стены нашей комнаты в общежитии. Ника с Мелким ругающихся между собой, а в окне снова не высокий забор с березой у калитки. И все случившееся со мной окажется лишь очередным сном. Ну не сон ли — это взаправду? Как я обычный паренёк вдруг оказался в должности сержанта, такое только в книгах пишут. Не иначе как судьба привела меня сюда чтобы перевернуть мир. Но что я должен сделать?

Я огляделся. Мне казалось, что еще секунда и все в тот же час закончится. В костре треснула ветка, выпустив маленький огонек в высь над костром. В траве застрекотали кузнечики. И я понял, что это все взаправду.

Между одинаковых палаток показались двое офицеров в

синей походной форме. Я их не сразу узнал в новых одеждах. Они подошли ко мне и один из них опустил на корточки перед костром. Я таращился на них молча и с опасением, не сразу признав в них офицеров. Спустя минутного молчания мне сделалось не ловко.словно я совершил какой — то не путёвый поступок. Тот, который присел протянул край куска хлеба над костром, а здоровяк встал напротив меня, по ту сторону от костра.

— Ты в этой одежде до конца похода собираешься ходить? — уставился на меня неоднозначно офицер, который жарил кусок хлеба. От его лишь одного едкого взгляда у меня тут же затряслись поджилки, и я растерялся. Я нервно окинул взглядом двоих офицеров. В голосе офицера чувствовалось насмешка. Ехидный смешок другого офицера точно дал понять, что офицер был настроен ко мне предвзято. Это был все тот же офицер, с необычным цветом глаз, довольно красивый внешне, который притормозил меня на спуске и обогнал. Они оба смотрели на меня пристально, нагло изучая с ног до головы. И я из — за своей скромности ничего не мог им ответить. Чувствовал я себя словно в цирке диковиной зверюшкой. Видимо я ошибся, приняв помощь этого офицера при построении за дружелюбие.

— Сними кивер, голова спарилась уже наверно, — откусил он кусок запёкшегося хлеба и отвёл свои серо — зелёные, словно бирюза глаза.

Я послушно поспешил расстегнуть ремень на кивере и

снял головной убор. Тут же дунувший ветер пробежался по моим взмокшим волосам высушивая их.

— Вставай, идем на вечерний доклад.

Я подскочил.

— У меня нет формы. Я не знаю где она. Извините. Мне не дали, — выпалил я, нервничая ещё больше. Я не понимал как Павел Игоревич не предупредил меня, что нужна ещё другая форма и не положил мне её.

— Дадим, — оскалились оба офицера и засмеялись, — быстрее, мы не успеваем.

Офицер, поправив форму направился в глубину лагеря. Я поплёлся за ними держась немного на расстоянии. Я всю дорогу их изучал со спины и оба они мне снова не нравились. У меня они не вызывали доверия. Видимо я по ошибке их на площади воспринял как высокомерных и горделивых офицеров, считающих себя голубой кровью, выше классом, чем обычные люди. Сейчас же я удостоверился в обратном. Это были бандиты, окружившие меня одного у костра и, если бы я принял попытку воспротивиться, думаю дошло бы дело до угроз и запугиваний. Я вспомнил про Павла Игоревича и в груди закололо. Я с сожалением вспомнил картину, как он перед ними тушевался там на площади. Эх, Павел Игоревич видимо, и он может ошибаться в людях. И на кого он меня только оставил. Видимо от этого офицера мне не стоило ждать помощи на какую рассчитывал руководитель.

Проходя между палаток, я наблюдал как в лагере кипе-

ла жизнь. Одни солдаты таскали сухие ветки. Кто — то ещё продолжал закреплять палатку. Другие сидели возле костра попивая из кружек чай. У кого — то даже были карты и настольные игры. В общем похоже в лагере никто не грустил об отъезде.

— Помогите ему палатку закрепить, — махнул офицер опытным солдатам, — а то до утра будет ставить!

— Так точно! — заголосили солдаты поблизости.

— Евгений, идёте — с с нами в дурака, — крикнул, приподнявшись солдат с седыми усами и морщинистым лицом, которому на вид было лет под пятьдесят. Он, улыбаясь во весь рот добродушно указал на карты. Остальные солдаты, сидящие на бревнах перед самодельным столом, обернулись на нас.

— Не сейчас, дел еще много, — на удивление мягким и приятным голосом отозвался офицер, который несколько минут назад заставил снять меня кивер. Я с опаской глянул на него. Видимо солдаты не в курсе какой бандит прячется за формой офицера.

Мы добрались до высокой палатки. Перед входом на занавеске красовались гербы. Сердце моё заклокотало, и я чувствовал волнение от встречи с генералом. Я поправил пояс и переложил кивер под левую руку. Именно сейчас должна решиться моя судьба. Мне нужно было произвести впечатление на генерала. Исправить о себе первую его оценку и доказать, что я не мямля.

Мы остановились у входа в палатку. Офицер поправил свою форму и оглядел нас с головы до ног. Он задержал на мне свой взгляд и как мне показалось остался не доволен.

— Сержант форму меняйте вовремя, — сдвинув брови нервно оглядел он меня снова, — ладно, думаю пройдет.

Офицер откинул занавеску и вошёл в палатку, за ним зашёл второй офицер и следом я.

— Здравия желаю, старший офицер Чисов Евгений.

Отчеканил офицер громко, приставив ладонь к виску и вытянувшись в струнку. Второй офицер так же подобравшись приставил ладонь к виску и задрал подбородок.

— Здравия желаю, офицер Савин Филипп.

Я, растерявшись остался позади офицеров. Предприняв попытку остаться не замеченным. Офицеры стояли, не шелохнувшись словно замершие статуи.

Только оказавшись в палатке я тут же окинул её взглядом в поисках фигуры генерала. Его здесь не было, я понял это сразу. Палатка была прямоугольной и скрыться тут генералу не было бы возможности. В линию умещалось свободно человека четыре, но из — за стоящих наваленных ящиков и вещей слева свободно умещалось только два человека.

Я поймал на себе пристальный взгляд военкомандующего и немного осунулся. Он сидел перед нами за раскладным столом и ждал чего — то.

— Ну, — коротко обратился он ко мне.

— Я Ющинский Анатоль, — проямлил я, сделав не

большой шаг вперёд. Испытывая стеснение и смущение, — я сержант, — добавил я.

В палатке повисла странная тишина. Военнокомандующий не сводил с меня глаз, крутил ручку в руках. Я чувствовал, как лицо моё начинало багроветь.

— Вот так да, — протянул он, уперевшись руками о стол и перевёл взгляд на офицеров. Молчание затянулось. Военнокомандующий отвел взгляд в сторону, постучал ручкой по столу, а затем взял бумаги с краю стола и начал в них расписываться, не обращая на нас никакого внимания. Прошло около минуты, а может быть и больше. Я не понимал, что происходило. Должно ли было быть так? Офицеры стояли по стойке смирно с поднятой рукой у виска.

— Ну мы так и будем стоять? — вдруг заорал он, обращаясь к офицеру по середине, которого звали Евгений, — ваш сержант представится нормально, как положено по уставу или, так и будет стоять, сложив ручки? Вольно!

— Так точно!

Офицеры опустили руки. Евгений обернулся на меня. Не говоря ни слова, я все понял по его взгляду.

— Извините, — дрогнувшим голосом промямлил я. Мое тело оцепенело. Я чувствовал себя смущённым.

— Представься, — шепнул он мне.

Я, заикаясь от страха не уверенно приложил ладонь к виску как это делали все военные.

— Ющинский Анатолий ..., сержант, — вымолвил я.

Военнокомандующий кинул в меня серьёзный взгляд. Видимо он собирался мне высказать что — то не приятное, но за палаткой до нас донеслись крики. Спустя несколько секунд занавеска у входа одёрнулась и мимо нас прошёл мужчина в темно — синей форме, а за ним человек в черном костюме и в высокой шляпе.

— Здравия желаю, младший помощник при главном штабе Чапрын Константин и доктор Лев Алексеевич! — поравнявшись с нами протараторил он, а потом резко направился к столу, — вот приказ, видите? Гербовая печать, — ткнул он пальцем в бумагу, которую швырнул под нос военномукомандующему, — ваши оболтусы два часа нас удерживали в лесу, не веря документу. Это что такое? — запыхавшись и покрывшись краской устоялся он на военномукомандующего.

— Да вы успокойтесь, успокойтесь, — размеренным шагом подошёл мужчина в чёрном костюме прикурив трубку.

— Куда вещи прикажете девать? — показался у входа солдат и понятия не имел к кому обращаться, окинув нас всех взглядом.

— Большая поклажа? — обратился военномукомандующий к доктору.

— Нет, что вы. Я беру все самое необходимое.

— Заноси, ставь тут, — привстал военномукомандующий и махнул солдату рукой.

— Это конечно кошмар по столько удерживать, — продолжил возмущаться мужчина в синей форме, как только

разобрались с вещами.

— Их работа и заключается в том, чтобы удерживать и проверять. Сами то будите спокойны, когда каждый проходимец будет вхож в лагерь?

— Да, но гербовая печать?

— Константин Александрович успокойтесь. Видимо было темно и патрульные не разглядели герб. Главное, что мы удачно добрались, — спокойным размеренным слегка хрипловатым голосом проговорил человек, которого называли все доктор. Он снял шляпу и поправил светлые редкие волосы на голове. Он опустил на стул, который находился чуть позади от стола, за военным командующим. Двое солдат за раз принесли два больших чемодана и один маленький.

— Хорошо, господа удачного вам похода. Надеюсь, я не был слишком груб.

Военнокомандующий с доктором отмахнулись и младший помощник, ударив каблуками кивнул и направился из палатки.

— Чего это они у вас стоят? — кивнул в нашу сторону доктор.

— Да вот ..., — военным командующим запнулся, — видимо за последний срок забыли, как на службе себя вести нужно. Даже представиться толком не могут! Старший офицер напомните сержанту как нужно появляться при докладах и почему на нем до сих пор парадная форма? У него какие — то особые привилегии или что? Или ваши подчинённые что

хотят то и делают?

— Так точно! — снова задрав голову отчеканил старший офицер.

— Тише, тише Иван Сергеевич. Вы уж на старшего не сердчайте. Попробуй уследи за всеми, — доктор лениво открыл чёрный, не большой чемодан. Достал оттуда папку с бумагами и привстав положил ему на стол, указав пальцем военному-командующему на что — то важное в документе. Военнокомандующий перевёл туда взгляд и покачал головой. Доктор все так же лениво и не спеша закрыл чемодан и поставил на пол сбоку у ножек стула.

— Да уж, — вздохнул Иван Сергеевич, — если не ругаться — это... выльется потом в хаос и беспорядок, поэтому старший офицер вам бы начать уже контролировать чем занимаются ваши солдаты и сержанты. А то приходят на доклад в парадной форме. Я что тут мероприятие увеселительное устраиваю! В следующий раз и вам и вашему сержанту устрою несколько ночных патрулей.

— Так точно!

Я покосился на офицера ни одна мышца на его лице не дрогнула.

— Сержант почему во время подготовки отряда к привалу солдаты из вашего строя прохлаждались в сторонке, дружно покуривая?

Я молчал. Совершенно не зная, что нужно было делать в этом случае. Я ждал что доктор будет и за меня заступаться,

но он, скрестив руки на груди задумчиво на меня смотрел, ожидая ответа, как и военнкомандующий.

Мама меня с детства учила не молчать. Когда я сдавал экзамены руководитель тоже самое мне говорил, но я в первые не знал, что говорить.

— Я не знаю, — пожал я плечами смотря то на доктора прищурившегося, то на военнкомандующего, который покрывался от злости краснотой.

— Не мыслимо просто, — обернулся он на доктора.

— Роскошь иметь знающего сержанта в строю, — заключил доктор.

Военнкомандующий развернувшись со всей дури ударил кулаком по столу, так что бумаги на мгновение взмыли в воздух.

— Быстро мне представился как надо! Вы что перепутали место? Вы вообще понимаете, где вы находитесь? Сержант я к вам обращаюсь!

Я, опустив голову, кивнул не в силах что — либо выговорить. Ком подступил к горлу.

— Я не собираюсь здесь ждать весь вечер. Жду правильное приветствие, а то я сейчас накатаю бумагу генералу о вашей недееспособности и не подготовленности к службе. Отправитесь следом за Константином в штаб отчитываться.

Я не смел поднять головы. Меня всего затрясло. В палатке снова наступила тишина. Меня словно зверька загнали в угол. Я открыл рот и не уверенно дрожащим голосом произ-

нёс.

— Здравия желаю. Я сержант Ющинский Анатоль.

— Вы у меня пытаетесь жалость вызвать, сержант? Вы так же будите стоять при докладах перед генералом и пытаться довести его до слез? Не позорьтесь, ради Бога! Руки по швам, вы что там за спиной их прячете? Подбородок на вверх! Чётко и громко, чтобы все слышали представьтесь. Я не верю, что вы сержант.

Я тут же задрал подбородок покосившись на офицеров. На их лицах была еле заметная ухмылка. Глаза затмила пелена. Слеза одна за другой потекли по щекам. Он встал со стула и подойдя ко мне резким движением поправил мою выправку.

— Ну ради Бога. Ну я вас умоляю, сержант. Вытрите слезы, должно быть стыдно и вам и вашему командиру. Да, Евгений?

Офицер молчал, смотря прямо перед собой.

— Что молчите?

— Так точно, — произнёс он с меньшим запалом.

— Вы считаете допустимым являться с такой подготовкой на доклад или может я требую слишком многого?

— Никак нет!

— Пока не подготовите своего сержанта, чтобы ноги его при докладах не было. Иначе я напишу куда нужно и поможете вместе со своим сержантом обратно в часть учиться строевой подготовке, — военнкомандующий сцепив руки

за спиной отошёл к столу, — сержант не вижу смысла вам находится здесь. Можете идти.

Я косился на офицеров, пытаюсь найти у них поддержку. Они стояли, по — прежнему смотря вперёд и не шелохнувшись. Я было сдвинулся с места, но вспомнил.

— Так точно, — дрожащим голосом произнёс я.

— Да идите уже. Итак, у меня много времени отобрали! — завопил он.

Я поспешил удалиться. Я вышел из палатки. Все внутри у меня клокотало. Я, опустив голову пробирался через палатки, пытаюсь остаться не замеченным, но все равно кто — то из солдат подметил.

— Чего это он?

— Довели, — донеслось до меня со стороны, — молодой ещё видимо.

Я поспешил к окраине лагеря. Забежал в лес и упав под дерево зарыдал. Я просидел там не мало времени. У меня не было желания возвращаться в лагерь и попадаться на глаза с зарёванным лицом. Выплакав все слезы, я жалел себя и жаловался на судьбу. Все правильно руководитель говорил. Его семейка попытается меня снять с должности и поставить своего племянника, а то и во все отправит в штаб. Что я там скажу? Страх и паника охватила меня. Там сразу узнают, что я не сержант. Я подставляю генерала и Павла Игоревича. Какой позор! Сколько бед я принесу генералу.

— Анатолий! — вдруг послышалось позади меня. Я вздрог-

нул, — сержант!

Я не решался показаться. Мне было стыдно, что офицеры найдут меня здесь плачущим. Все же не выйти я не мог, они продолжали звать меня.

— Мы знаем, что ты здесь, солдаты сказали. Выходи, — прокричал старший офицер.

Я, ещё немного посидев подумав, встал отряхнулся, водрузил на голову кивер и вышел из — за дерева.

— Я здесь, — отозвался я, застёгивая ремешок от кивера под подбородком, чтобы хоть как — то скрыть своё распухшее от слез лицо. Я вышел к офицерам

— Отбой уже, возвращаемся в палатку, — проговорил старший офицер, которого я не возлюбил ещё в городе и которого звали Евгений.

Они повернули в сторону лагеря, и я пошёл за ними, натянув козырёк на глаза.

Мы прошли вдоль линии лагеря. С Евгением здоровались солдаты. Видимо они его знали очень хорошо, и он им отвечал добродушно.

— Что у вас новый сержант? — радостно кивнув в мою сторону сказал солдат средних лет. Он подошёл к нам.

— Да. Проконтролируй своих новобранцев, чтобы не сидели без дела, занимались работами с опытными солдатами. Военнокомандующий заметил при расположении лагеря стояла компания в стороне и ничем не занималась. Выясни по возможности кто это был.

— А, так это не новобранцы. Это служивые. Ваш сержант рядом стоял ничего им не сказал, — радостно отчеканил солдат.

Евгений покосился на меня. Я стоял, опустив голову, спрятав лицо за козырьком.

— Понял, — кивнул старший офицер, — следи за молодыми.

— Так точно, — выпрямился солдат и легкой рысцой направился обратно с любопытством озираясь на меня.

Мы дошли до нашей офицерской палатки. Я зашел следом за офицерами. Второй офицер принялся что — то раскидывать по палатке. Я стоял у входа замерев. Евгений копошился в сумке и достав оттуда керосиновую лампу зажег ее. В палатке стало светло.

— Твое место с краю, — грубо проговорил офицер, имя которого я не запомнил. Но который в городе мне показался доброжелательней и приятней, чем Евгений. Мне стало горько от своих надежд. Я послушно пробрался к расстеленному лежаку и сел на него.

— Где твоя форма? — обратился ко мне Евгений.

Я взглянул на него, а затем поспешил спрятать лицо.

— Я не знаю, — тихо ответил я, смирившись уже с тем, что меня на днях расформируют в солдаты и на этом мои великие победы закончатся.

— В повозке лежала, я видел, — не многословно проговорил второй офицер.

Евгений, немного постояв уперевшись руками в бока, откинул полог.

— Сейчас схожу за ней.

Мы остались с офицером одни. Он, насупившись расстилал лежаки совершенно не замечая меня, будто бы меня и не было здесь. Я, обхватив ноги руками уткнулся в колени.

— Помогай, чего сидишь, — рывкнул он на меня в один момент.

— Чего помогать? — не понял я.

Мы с ним встретились взглядом. И он, ничего не сказав, кинул мне плед и вышел из палатки, резко отбросив полог.

Евгения не было около двадцати минут. Второй офицер вернулся вместе с ним. И от него уже не чувствовалось такого раздражения как прежде. Он, зайдя в палатку и повернувшись к нам спиной принялся перебирать свою сумку. Выкладывая металлическую посуду. Старший офицер протянул мне походную сумку.

— Держи.

Мне вдруг сделалось тоскливо. Я захотел обратно в город. Домой к маме и бабушке. Я уехал и даже не предупредил их о походе. Может быть ещё не поздно было и я смог бы вернуться обратно. Один на коне я домчусь к утру к воротам города. Как же меня встретят военные патрули? Что тогда скажу Нику и Климу? Я представил картину моего возвращения и презрительные лица патрулей. Они решат, что я слабак.

Второй офицер вдруг оживился.

— Слушай, мне похоже не положили кружку.

— Она у меня. Лишняя стояла на столе. Как знал. В сумке твоя форма, посуда. Аптечка у меня. Снимай уже этот кивер, — обратился ко мне старший офицер.

Я с неохотой стал расстёгивать замок, так как они сразу заметят моё заплаканное лицо. Мне было стыдно показывать это.

— В следующий раз прошу не покидать лагерь без предупреждения и без надобности. За это я буду наказывать, — присев на корточки перед лампой, сказал старший офицер без всякой злости.

Я взглянул на него. В его взгляде читалась жалостливость ко мне и похоже он понимал то, что я чувствовал.

— Хорошо офицер, — кивнул я и тут же поправился, — ой, извините, так точно офицер Евгений. Извините я не запомнил вашей фамилии.

— Я не офицер, — сказал он, — я старший офицер. Твой прямой командир. Видишь две полосы на рукаве? По фамилии или отчеству ко мне не нужно обращаться, достаточно по имени и соблюдать учтивость.

Они оба пристально уставились на меня с неким удивлением. Я ещё больше смутился из — за своей оплошности.

— Извините.

— Я не требую официального тона в бытовом общении. Ты можешь обращаться ко мне просто Женя, либо Евгений как тебе удобней. В основном ты подчиняешься мне. Откуда

ты?

Я ещё больше покраснелся.

— Я с кадетского.

— Я имею ввиду с какого города? Часть?

— Я с Юрска, — я осёкся, так как этот город не был мне родным, поправляться было поздно, — с кадетского корпуса части 28, — вспомнил я быстро на своё удивление то, что мне говорил руководитель.

— Ты находишься в звании сержанта и не знаешь, как нужно представляться перед вышестоящими на докладе? Или это шутка такая?

— Нет, да, — метался я в своих ответах под пристальным взглядом старшего офицера, уводя глаза в сторону, — я знаю просто, — я заикался, стараясь придумать быстрое оправдание своему незнанию, — просто у нас сменялись главные и редко приезжали, — протараторил я, придумывая на ходу, — с нас не требовали.

Евгений сдвинул брови внимательно слушая меня. Затем он подлил керосина в лампу и прибавил огонь. В палатке стало еще светлее.

— Очень странно как — то, — пробубнил он, — ладно переодевайся. Ты парадную форму уже как мог уделал. Как приедем в город не забудь отдать её в хорошую прачечную. Вторую такую дорого шить из этой ткани.

Старший офицер вместе с офицером вышли из палатки. Я остался один. Я достал из сумки синюю походную форму,

разложил её на лежаке и уставился на неё. Моя мечта. Вот я в парадной белой форме сижу с зарёванным лицом. Разве настоящие военные лют слезы на докладах? Как хорошо, что там не было генерала. Я принялся не спеша расстегивать пуговицы. Болезненно вспоминая как военным командующий, унижал меня при офицерах и докторе. Если бы руководитель сейчас был бы здесь, военным командующий не позволил бы себе так разговаривать со мной. Его племянник в штабе на собрании не был столь разговорчив, сидел молча за столом и ни разу не высказался. Разве вышестоящий может так бесцеремонно общаться со своими подчинёнными? Позволять себе лишнего: повышать голос и издеваться. У нас таких грубиянов нет в городе. Я видел на собраниях пару раз других военных и все они были образованными и вежливыми людьми. Или я не замечал, что за учтивостью всех военных в штабе скрывается такая же манера общения с солдатами и офицерами. Мое уважение и восхищение к нему изменилось на негодование и оставило осадок. Может и к лучшему, что теперь мне не придётся ходить к нему на доклад. Может мне как можно дольше получится избегать его. Если завтра же меня не расформируют в солдаты. Как же тогда мне смотреть генералу в глаза?

Я застегнул рубашку, натянул штаны и накинул китель. Если брюки и рубашка мне ещё были в пору, то китель был в плечах и в талии немного широковат. Видимо эта форма шилась под другого человека, место которого я занял. Я сло-

жил белую помятую и испачканную форму обратно в сумку и отодвинул в сторону в угол.

Я сидел все так же на краю лежака уткнувшись взглядом в пол и дожидался офицеров. Их не было долго. Около часа я просидел в волнении и искусал свои губы до крови, пытаюсь предугадать вопросы старшего офицера и быстро подобрать на них ответы. Прежнего покоя в моей душе не было. Меня терзали и мучили переживания, что военкомандующий доложит генералу о моем промахе и тот расформирует меня в солдаты. Я винил себя за стеснительность и несообразительность. Я переживал за то, что мне придётся врать всем на протяжении всего похода и притворяться опытным сержантом. Каким я не являлся. Теперь то я прочувствовал каково это.

Когда полог палатки резко отдёрнулся я вздрогнул и вскочил, взволновано глянув на вошедшего офицера. Он был один. Широкоплечий мужчина на вид лет к тридцати. Оказавшийся замкнутым, не общительным, с не большими темно — карими глазами на широком угловатом лице, которые смотрели на тебя с вечным подозрением и не доверием. Мне казалось, что с минуты на минуту генералу доложат о моей непригодности, и за мной пришлют солдат.

Офицер, окинув меня беглым взглядом молча прошел в угол к сумкам. Он достал оттуда столовые приборы и кинул их на лежак. Затем полог палатки снова откинулся и следом вошёл старший офицер.

— Тарелки не нужны. Бери только столовые приборы и кружку. Мы сейчас ужинать будем, — глянул на меня старший офицер, — Филипп, Анатолий сядем здесь или у костра? — обратился он к нам. Я молчал. Офицер тоже.

— Хорошо, давайте здесь, — заключил старший офицер, не получив ни от кого ответа.

— Извините, я от ужина скорее всего откажусь. У меня нет аппетита. Если хотите съешьте мою порцию.

Евгений уставился на меня. Офицер усмехнулся.

— В отряде от ужина не отказываются. Война войной, а обед по расписанию, — отчеканил старший офицер, — я сейчас схожу за едой, а вы пока подготовьте стол.

— Не хочет пусть не ест, — не довольнo огрызнулся Филипп.

Евгений бросил взгляд в офицера и ничего не сказав вышел из палатки. Офицер, тяжело и протяжно вздохнув следом направился за ним.

— Пошли, — своим грубым бесцеремонным голосом сказал он мне.

Я поспешил за ним. В лагере мы ничего подходящего не нашли. Все камни в виде стола были заняты, либо слишком тяжелы чтобы переносить. Мы направились к окраине лагеря и вскарабкавшись на пригорок не сильно углубляясь в лес принялись искать. Я искал в одной стороне, офицер в другой.

— Я нашел. Может это бревно подойдет?

Офицер махнул головой даже не подойдя посмотреть.

— Нет.

Я замешкался. Настаивать я не хотел, так как офицер был настроен ко мне как мне показалось довольно раздражённо. Он вдруг нагнулся и взяв что — то большое направился обратно в лагерь. Я пошел за ним.

Я с каждой минутой чувствовал себя лишним, чужаком. Словно мешался им. Словно был совершенно другим. Мне же они казались странными. Другими совершенно людьми.

— Так ну что. Давай сдвинем два лежака в сторону и поставим здесь, — старший офицер сразу в подтверждение своим словам сдвинул лежаки, а второй офицер придвинул крупный камень посередине палатки, — отлично это будет стол.

На камне появился хлеб, гречневая каша в консерве и чайник, в котором был компот.

Я придвинулся к столу чувствуя не удобство. Аппетита у меня и в самом деле не было от сверлящего настойчивого душевного переживания. Словно я был среди них тайным врагом. Офицеры сели на лежак на против меня и принялись с аппетитом поглощать пищу, указывая мне, чтобы я тоже начал есть. Я взял консерву и заглянул в нее. Ненавистная гречневая каша с жировыми кусками мяса. Ни вкуса, ни запаха я не чувствовал и от этого еда, казалась, без вкусной. Ко мне подступила тошнота и я бы выплюнул, но второй офицер, который был крупнее первого, увидел моё перекошенное лицо и по его взгляду я прочёл, что ему это совсем не

нравится. Я не прожевав проглотил кусочек мяса, опасаясь, что в этот раз он точно может дать мне в лоб.

Молчание не длилось долго. Старший офицер взглянул на меня пристальным, изучающим взглядом.

— Был уже в учебных походах?

Я мотнул головой. Нехотя засовывая ложку в рот. Испытывая неловкость, оттого что они могут счесть меня привередливым.

— Первое время всем сложно адаптироваться. Потом привыкнешь будет легче.

Я кивнул головой и покрасневшись опустил глаза. Мне становилось не по себе от пристального взгляда его серо — зеленых глаз. Словно он мог в один миг догадаться кто я.

Второй офицер наблюдал за мной молча. Серьезно устремив на меня взгляд. Как только мы встречались глазами он тут же отводил их.

— Военнокомандующий очень серьёзно и предвзято относится к новичкам в походах, — сказал Женя спокойно и монотонно, — от него можно и наказание получить. Ты лишь показательным выговором отделался, повезло тебе. Остальных он сразу на дозор отправляет. Поэтому не советую с ним шутить, пока далеко не отъехали от города, он и в самом деле может отправить с рапортом обратно.

— Я понял, — лишь качнул я головой, не предпринимая попытки оправдаться за своё показавшееся им странное поведение. Видимо он решил, что я так решил развеселиться,

выставив себя неумехой.

Я молчал. Начать беседу первым мне казалось не уместным. Передо мной сидел мой старший командир, как оказалось, которого я успел возненавидеть ещё при первой встрече на площади. И офицер, казавшийся мне вдвое старше меня. Я покажусь им выскочкой и наглецом, если начну диалог. Либо того хуже навлеку на себя их гнев за неосторожные разговоры. Как правило начинать и поддерживать диалог не моя сильная сторона. После того как я пытался в городе наладить хоть с кем — то из студентов дружеские отношения. Я оставался один непонятым и непризнанным.

Я затаился, делая вид будучи занятым едой. По телу бегала нервная дрожь, моментами сотрясая мою руку.

— Мы тележки с продовольствиями закрыли? — обратился старший офицер к другому офицеру.

— Да, — коротко ответил тот.

— А то разнесут все по палаткам, да по карманам. Не отчитаемся потом, — выковыривая из зубов мясо сломанной тонкой веточкой глянул на меня Евгений.

— Да, ну его, — кинул на пол офицер жестяную консерву, смятую им.

Старший офицер ухмыльнулся.

— Я бы на твоём месте лучше переживал, что Иван Сергеевич отстранил тебя от доклада на две недели, — констатировал старший офицер упревшись локтем о камень, который служил нам столом.

Я устался на него забеспокоившись.

— Почему? — не уверенно спросил я.

Старший офицер смотрел пристально и казалось, изучал меня. Он обернулся, позади себя взяв кружки и поставил их на стол.

— Да, я так. Филипп наливай, — офицер по приказу старшего офицера поднял железный чайник, стоявший возле него, и разлил в металлические чашки горячий красно — коричневатого цвета напиток. Он взял мою чашку и наполнил её до краёв, поставил передо мной, — ты всегда такой молчаливый? У нас молчат только партизаны, либо те, кому есть что скрывать.

Я раскраснелся и поспешил покачать головой, сжав сильно кулаки на коленях. От каждого его слова, обращённого в мою сторону, я волновался и терялся.

— Мне... просто не привычно, — попытался я сделать непринуждённый вид.

— Ясно. Господа давайте выпьем за нас, за начало похода, за службу, чтобы добрались до места назначения целыми и невредимыми.

У меня вдруг все заклокотало в груди и я, попытавшись поднять стакан с компотом пролил себе его на руку. Я поспешил поставить чашку обратно на камень, зажимая рукавом обожжённый участок руки. Офицеры не обратили внимание на мою оплошность и сделали по глотку.

— Пей давай, один глоток, — поднял вместо меня чашку

старший офицер и сунул мне в руки. Я, забыв про обожжённую руку, взял у него чашку, тут же отпил и зажмурился. Это не было компотом. Довольно странный вкус. Вкус горячего забродившего винограда, похожий на вино. Тепло вмиг разбежалось по нутру, щипля слегка горло. Я поспешил поставить чашку на стол, все ещё чувствуя отчётливо этот диковинный вкус.

— Ну как?

— Что это? — не понял я закашлявшись.

— Что — то типа глинтвейна. Когда выберемся на северную границу будет самое то в холод. Сейчас для расслабления. Давайте знакомимся. Я Чисов Евгений, старший офицер, как я уже говорил твой командир. Служу при генерале уже второй год. Бывал в нескольких компаниях до него при другом генерале. Все возникающие вопросы ты решаешь через меня. Филипп, — указал рукой старший офицер на с краю сидящего широкоплечего мужчину со сдвинутыми бровями и выглядывающими из — под них темными маленькими глазками. На лице у него была двухдневная щетина, которую он поглаживал, прищурившись, — офицер. Впервые в походе в этих местах, служил со мной ещё будучи сержантом. В конце прошлого года заслужил звание офицера. Расскажи про себя что —нибудь. Не обязательно касаясь военной карьеры.

Оба офицера уставились на меня.

— Я... сту..., оф..., сержант, — запнулся я, мотнув го-

ловой и посмеялся, отчего мне стало ещё более неловко, — стал им в начале этого года.

Старший офицер помычал, видимо желая для себя услышать, что — то большее.

— Хорошо, чем же занимались в кадетском корпусе?

Я с трудом вспоминал из рассказов Вальтера, чем они занимались.

— Физическая подготовка, различные городские мероприятия. Один раз выезжали с палатками за пределы города.

— Ты же говорил, что не было учебной вылазки. Или это другое было?

Я закивал головой.

— Да, это другое, — подхватил я.

— Кто вашей подготовкой занимается?

Я уставился на старшего офицера, понимая, что с каждым вопросом он меня все больше загоняет в тупик. Из рассказов Вальтера я не припоминал никого из вышестоящих. Да и он видимо и не рассказывал. Я сделал вид будто не услышал, переспросил потянув время. Старший офицер снова задал свой вопрос немного приподняв брови.

— У нас командные сменялись, я честно и не помню чьи — то имена. У нас был то один, то другой командир. А командира части мы уже давно не видели. Так и были сами по себе. Как — то так.

Оба офицера внимательно слушали меня и видимо то, что я им плёл их очень сильно удивляло и озадачивало. В конце

моей выдуманной болтовни они как — то странно переглянулись.

— У меня все в голове не укладывается. Вроде город у вас приличный. Генерал лично с вашим командиром познакомился, о нем отзывался хорошо. А в части такой сумасброд.

Я чувствовал, как я покраснел, а все нутро заволновалось. Мне казалось, что вот — вот меня выведут на чистую воду, либо они уже что — то заподозрили.

— Что же ваш командир не видит, что происходит у вас в части?

Я поспешил махнуть головой.

— Я не знаю. Я не лезу в их дела. Мое дело выполнять свои обязанности, — пропищал я, пряча глаза и молясь лишь бы он быстрее перестал задавать свои вопросы.

Офицер с краю резко схватил свою чашку и сделав глоток тут же поставил ее, громко ударив дном о камень. Я вздрогнул.

— Такого командира части нужно сразу в штаб на отчетку! — вдруг встрепенулся офицер.

Я ещё больше испугался.

Старший офицер потер подбородок.

— Вообще не понимаю, — произнёс он. После некоего раздумья он вздохнул, — ну да ладно. Если нужна помощь, говори. Мы тебя чему надо научим.

— Да, ты не молчи! — вдруг снова встрял офицер, допив свой напиток. Видимо мой рассказ вызвал в нем жалость ко

мне, — если ты будешь вести себя как мямля, тебя здесь с потрохами съедят свои же! Знаешь какие тут крепкие зубы нужно иметь? Лучше сейчас выработай в себе уверенность и тогда тебя никто не тронет. А если будешь так же, как на докладе себя вести, то тебя первым же сожрет военкомандующий. С ним не шути, — погрозил он мне пальцем, — он вмиг с тобой разделается, так что будь бдителен. Ну если что мы с Женей за тебя постоим. Мы простые, а вот Иван Сергеевич хитер как лис. Лучше не надо.

— Да. Он нормальный мужик, только ко всем с пренебрежением и недоверием относится. Только генерал имеет над ним власть. Помню было дело, — подхватил Евгений, — нам с Филиппом выпала удача служить при одной компании вместе. Было задание перебросить артиллерию с одного берега на другой. Мороз под тридцать градусом, снег валит большими хлопьями. Ну мы запрягли лошадей и направились за конницей, которая была от нас в часе езды и тоже направлялась на другой берег. И чтобы заново не прокладывать дорогу на карте мы двинулись по их следам. С нами еще было несколько солдат и еще двое офицеров. Один из них на лошади как раз таки вел нас по их следам. В итоге проходит больше двух часов, а мы все идем и идем. Меня стала уже настораживать эта двухчасовая езда. По идеи мы должны были добраться до реки за полтора часа край, а у нас ни конца ни краю степи. Как потом оказалось офицер на коне спутал следы конницы с рытвинами, и мы ушли совсем в другую сторо-

ну. Вернулись мы когда уже стемнело. Естественно, по ночи никто не рискнул переправлять артиллерию. Задержали до утра. Военнокомандующий был в ярости. Он уже отослал за нами двоих помощников и те вернулись после нас с разницей в полчаса. Знаешь, что он сделал? — кивнул мне старший офицер, сдерживая улыбку. Офицер, сидящий с краю и раскрасневшийся от выпитого качнул головой и заржал во все горло. Видимо вспоминая этот момент, — снял с нас шинели, отодрал погоны и выстроил всех нас вместе с солдатами в одну шеренгу. Орал он долго, покрывая нас благим матом. Было терпимо и все бы ничего, если бы один из офицеров молодой, веселый парень не решил корчить рожи, когда военнокомандующий отворачивался. И так в один момент он попался. Военнокомандующий аж побагровел, вспыхнул и мы в одних тужурках чистили снег с замершей реки почти всю ночь напролет прокладывая дорогу на утро для артиллерии. Солдат он распустил.

— Этот су... и не на такое способен! — снова влез офицер, — я в ту ночь чуть руки не отморозил. Мы одни варежки делили на четверых.

Старший офицер запустил руку в волосы посмеиваясь над теперь казавшейся весёлой историей.

— Поэтому давай договоримся, что, если ты решишь шутить над ним, делай это так, чтобы потом это нас не коснулось.

— Да я и не ..., — хотел было я ответить.

— Я заступлюсь, если возникнут сложности в общении с военнымкомандующим. Если он станет перегибать палку, но, если будут с твоей стороны не нужные телодвижения. Я уже не буду на твоей стороне, изволь.

— Парень ты готовься к тяжёлой работе здесь. Здесь нужно уметь отстаивать мужественно свою офицерскую честь. Не надейся особо на Женю. У него полно своей работы. Военнокомандующий, будь он трижды проклят, ни раз испытает тебя на выдержку. Это у него отношение такое ко всем, кто ниже его по должности. Меня он по первой так гонял, не знаю почему, не влюбился наверно с первого взгляду. При солдатах чуть ли не с дерьмом смешивал. А мне потом солдатам приказы отдавай. И я не был обижен. Ни в коем случае. Ни капли обиды. Эта штука бесполезна. Оставь обиду для детей. У меня была злость на него. Я его и по сей день еле перевариваю. Ну может быть чуть меньше, чем раньше. Потому что я ему один раз так ответил. Он понял, что на меня не получится каждый раз словесные помои выливать. Вот теперь на новичках и на солдатах срываёт свою злость.

Разошлись мы в начале одиннадцатого. Офицеры допили в чайнике напиток, а я до дна опустошил свой стакан. Свет в лампе погас, и мы завернулись в лежаки. После сложившегося приятельского разговора с офицерами я чувствовал облегчение, словно тяжёлый груз с моих плеч спал. Мрачные думы развеялись, и я снова испытывал радость как в начале похода. Мне было необычайно хорошо. Вся тревога куда —

то вмиг испарилась. Теперь мне казалось, не все потерянным и все приключения все ещё впереди. Я завернулся в не привычный лежак и отвернулся к стене. Мой желудок долго еще урчал, не принимая кашу, отчего я чувствовал неловкость.

Прокручивая в голове разговор за столом с офицером Филиппом, я и не знал, что он окажется на самом деле таким прямым, открытым, честным человеком. Когда Женя ушёл перепроверить дежурных в лагере, мы с ним остались одни и разговорились. На удивление разговор наш был слаженный и мы с ним, несмотря на не большое недопонимание в начале знакомства, отлично поняли друг друга. Словно старые знакомые. Он рассказал про свой опыт службы и рассказал про конфликт с военнымкомандующим. Он поделился тем, как лучше себя вести в походе. На вопросы обо мне я старался отвечать размыто, либо не уходить далеко в фантазии, чтобы потом самому же не попасться. Я рассказал про свои планы стать адъютантом при нашем генерале. Что мечтал уже давно побывать с ним в одном отряде под его управлением и одна мечта наконец сбылась. Филипп усмехнулся, но ничего не сказал.

Мнение о нем у меня сложилось такое — он был из тех людей, кому от рождения было все равно на предубеждения окружающих. Таких людей я встречал крайне редко. Я сколько себя помнил всегда переживал о том, что подумают обо мне люди, какое впечатление произвожу на них. Нравлюсь ли я им, но показывал всегда обратное. Я хотел стать та-

ким же человеком как этот угловатый, грубый офицер. Ему и в самом деле было без разницы все что о нем думают. Даже военномукомандующему смог дать отпор. На первый взгляд он отпугивал манерой общения и поведения. Его внешность нельзя было назвать неприятной, но и чересчур привлекательной тоже не назовёшь.

Старший офицер же был намного приятнее внешностью. Золотисто — русые волосы и приятные овальные черты лица. Единственное меня смущало то, сколько раз в течении дня я успел поменять о нем мнение. На площади он мне казался человеком одного склада ума. Высокомерным, горделивым, выхолощенным в парадной офицерской форме с серо — бирюзовым надменным взглядом. Просто так и не подойдешь. Его прищуренный, остужающий взгляд говорил сам за себя. Затем же в походе это был энергичный человек, ловко выполняющий приказы военномукомандующего. Я сразу и не понял, что это был он же. Мне даже показалось, что и внешность его переменилась. Хоть я и не осмеливался пристально рассмотреть его черты лица, но тот образ, который сложился у меня в голове еще на площади, теперь совершенно отличался познакомившись мы с ним по ближе.

За ужином я вскользь окинул взглядом его лицо при свете яркой лампы и теперь понял, насколько я не верно о нем сложил своё первое впечатление. За ужином в палатке передо мной сидел совершенно обычный молодой мужчина, без ужимок, высших светских манер и того высокомерия на ли-

це, которое явно чувствовалось на площади. Он совершенно не стеснялся есть из консервы, самую простую, даже скромную пищу и пить из железной кружки. Он вел себя просто. Единственное его взгляд давал понять и не забыть, что перед тобой человек занимающий серьёзную должность. С первого дня знакомства меня коробил этот взгляд и заставлял все внутри съёживаться, стоило ему лишь взглянуть на меня.

В Филиппе же чувствовалась внутренняя сила, которой так не хватало мне. В ту ночь я уснул, обещав себе стать таким же как он.

Я отвлёкся и посмотрел на озеро. По воде шла рябь от внезапного дуновения ветра. Прошло достаточно времени. Меня могут начать искать. Я поспешил в лагерь пока меня не объявили пропавшим. Я отряхнулся и направился в сторону массивного дерева. Я шёл и думал о Филиппе и о том какой же я всё — таки несуразный в этой форме по сравнению с офицерами. Любой поймёт, что я не тот, за кого себя выдаю.

На следующий день после нашего знакомства с офицерами и первого совместного ужина, я старался изо всех сил казаться мужественным и сильным. Будто я многое повидал и хоть моложе их всех, я многое знаю. Но кроме меня так никто этого и не заметил. Генерала я совсем не видел. Скорее всего до него дошло, что меня отстранили от доклада на две недели. Вот бы появиться перед ним и объясниться по той ситуации в штабе, когда я заплакал как дитя малое перед

ним. Но было теперь вдвойне боязно и стыдно. Я бы доказал и объяснил генералу, что я выносливый и что вообще заплакал лишь от того, что переволновался и во мне разыгралась обида за себя. За свое тугодумство. Я рассуждал о том, если военкомандующий будет всеми силами пытаться втиснуть своего племянника на моё место, выставив меня перед генералом глупым и наговорив на меня, то я не должен молчать. Если даже он с этим солдатом в сговоре. Я отстою своё место. Я их не боюсь. Ни чей сын, племянник не встанет у меня на дороге. Ради Павла Игоревича я должен был закрепить за собой эту должность. Он не мало усилий приложил, чтобы я был здесь. Поэтому я буду как Филипп. Как скала. Именно с не пробиваемой скалой ассоциируется у меня этот офицер после нашего знакомства.

Но, как ни странно, время текло своим чередом, и никто не посягал на моё место ни спустя день, ни спустя неделю. Военкомандующий не обращал на меня внимания. Занимаясь в отряде своими обязанностями и передавая приказы только через старшего офицера. Постепенно я стал себя ощущать не приглядным звеном в суете дней, когда внутри меня горела страсть к победам и борьбе. Это меня угнетало. Никто похоже не видел во мне этот дух борьбы. Но я решил в любом случае быть внимательным и не витать в облаках.

Я, выбравшись из камышей, стал забираться на склон, как до меня донёсся мужской голос.

— Если я сказал, что эта территория не представляет

опасности, то это не значит, что теперь можно разгуливать по лесу.

Я остановился остолбенев, вглядываясь в силуэт под тусклым светлом луны. Это был по — прежнему все тот же солдат. Он стоял поодаль от меня облокотившись на дерево. Я, разволновавшись не нашёл, что ему ответить, поспешил молча к своему ориентиру.

— Язык проглотил? Скажи офицерам, что я на патруле и честно выполняю свои обязанности.

Голос патрульного звучал надменно, можно сказать даже чувствовался отработанный командный тон. Из — за чего я смутился. И, казалось бы, стоило, одним словом, поставить на место этого зазнавшегося солдата, но не вольный испуг и страх не дал мне этого сделать. Я не на шутку побаивался его, не зная, что от него можно ожидать. Хоть себе в этом и не хотел признаваться. Но посчитал что, мне нужно было уйти по быстрее отсюда.

В темноте сверкнула фляга, солдат испил из неё и зажмурился, нарочито громко вдыхая сорванную ёлочную ветвь. Он специально пытался вывести меня из себя. Давая понять, что он не будет подчиняться моим приказам и не воспринимает меня как старшего по званию. Во мне вскипала ярость, которая переборола даже мои опасения. На такое не уважительное, по отношению ко мне, поведение я не мог не среагировать. Я не понимал почему солдат себе позволяет при старшем по званию распивать алкоголь, вести себя расхля-

бано, будто меня здесь и нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.